

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Т. Шашков
(г. Екатеринбург)

ПОГОДИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ И НАЧАЛО СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

К числу проблем, издавна вызывающих споры исследователей, относятся обстоятельства похода дружины Ермака в Сибирь в первой половине 80-х гг. XVI в. Причиной этих споров являются противоречия, содержащиеся в источниках, и прежде всего в памятниках как общерусского, так и урало-сибирского летописания. Не случайно поэтому именно вокруг вопросов о времени их создания и о взаимоотношении между ними до сих пор не утихает полемика.

Особенно пристальный интерес ученых привлек к себе в последнее время так называемый Погодинский летописец, сохранившийся в единственном списке конца XVII в. в составе сборника исторических, литературных и географических сочинений из собрания М.П. Погодина (РНБ. Собр. Погодина. № 1604)¹, в котором дошли до нас уникальные сведения о походе Ермака. По мнению Н.А. Дворецкой, Е.И. Дергачевой-Скоп, Д.Я. Резуна и других исследователей, Погодинский летописец является позднейшей переработкой Есиповской летописи². Соглашаясь с этим выводом, Р.Г. Скрынников считает, что текст летописца был составлен в конце XVII в. московским книжником, имевшим доступ к архиву Посольского приказа, откуда он и позаимствовал ряд фактов об экспедиции Ермака³. Изыскания, произведенные Е.К. Ромодановской⁴, привели к совершенно противоположным выводам: Погодинский летописец восходит к раннему протографу, предшествовавшему созданной в 1636 г. Есиповской летописи⁵. Этим протографом являлось так называемое казачье “Написание”, переданное первому тобольскому архиепископу Киприану оставшимися в живых ветеранами сибирского похода. В 1622 г. на основании этого “Написания” был составлен Синодик Ермаковым казакам⁶.

По предположению Е.К. Ромодановской, автором “Написания” был Черкас Александров (Иван Александров сын Корсак по прозвищу

Черкас)⁷, участник похода Ермака, имя которого неоднократно упоминается в Погодинском летописце: он входит в состав первого казачьего посольства в Москву (см.: Пог. С.132), которое вместе с отрядом воеводы кн. С.Д. Болховского возвращается в Сибирь (см.: Пог. С.133); пережив “голодную” зиму, Черкас Александров уходит с остатками дружины Ермака на Русь (см.: Пог. С.135), а через год в числе ратников В.Б. Сукина и И. Мясного строит Тюмень (см.: Пог. С.136).

В свою очередь Р.Г. Скрынников, обративший свое внимание на тот факт, что 12 февраля 1586 г. “сибирский атаман” Черкас Александров с группой других казаков дал вклад в Чудов монастырь, подверг сомнению точность некоторых сведений, передаваемых Погодинским летописцем, и взял на себя смелость его “поправить”: в рассказе о бегстве ермаковцев на Русь из “града Сибири”, покинутого ими после “голодной” зимы, он добавил во фразу “тута же казак Черкас Александров” слово “шел” (стало читаться: “тута же [шел] казак Черкас Александров”). Это “уточнение” понадобилось Р.Г. Скрынникову для обоснования по меньшей мере трех его не подкрепленных никакими достоверными фактами положений: во-первых, “сеунч” (посольство), который якобы возглавлял непосредственно Черкас Александров⁸, отправился в Москву не зимой, как это следует из сибирских летописей, а летом 1583 г., уже после похода на Белогорье, причем шел он якобы северным “чрезкаменным” путем на стругах⁹ (таким образом, вырванная из контекста и “уточненная” Р.Г. Скрынниковым фраза “тута же [шел] казак Черкас Александров” стала выглядеть как воспоминание об этом маршруте); во-вторых, из вышесказанного был сделан вывод, что казачье посольство вместе с кн. С.Д. Болховским в Сибирь не вернулось, а в течение почти трех лет непонятно по каким причинам оставалось в Москве и лишь в 1586 г. пришло за Урал в составе отряда В.Б. Сукина и И. Мясного; в-третьих, поскольку, исходя из всего этого, Черкаса Александрова на протяжении почти всей экспедиции Ермака не было в Сибири, то и происходившее здесь было ему доподлинно неизвестно, ибо в противном случае Р.Г. Скрынникову пришлось бы согласиться с гипотезой Е.К. Ромодановской и признать достоверными “свидетельские показания” Черкаса Александрова, на которых, по ее версии, основаны хронология и последовательность событий в Погодинском летописце. А ведь здесь, в частности, утверждается, что Ермак погиб в 1584 г., причем произошло это накануне прихода в Сибирь отряда кн. С.Д. Болховского.

Между тем Р.Г. Скрынников придерживается в своих построениях иной схемы (для ее подкрепления и были выдвинуты охарактеризованные выше положения). По его мнению, помощь из Москвы прибыла в Сибирь еще при жизни Ермака, а сам он, пережив “голодную” зиму, погиб в ночь с 5 на 6 августа 1585 г. (сразу же замечу, что эта дата высчитывается только по Строгановской летописи, где хронология похода оказалась сдвинутой на один год; в большинстве других летописных источников смерть Ермака вполне определенно относится к 7092 (1584) г.). В связи с этим указанное выше утверждение Погодинского летописца решительно отвергается Р.Г. Скрынниковым как “ложное”, появившееся в результате соединения его автором “есиповской версии” о том, что “Иван IV якобы отпустил к Ермаку всех “сеунчиков” — атамана и казаков” — без задержки, с первым же посланным на помощь Ермаку воеводой С. Болховским” (на самом деле в Есиповской летописи не говорится ни слова о том, что посольство возвращалось вместе с воеводами; см.: Ес. С.58), и “ошибочно понятых архивных данных” о том, что посланцы Ермака “были задержаны в Москве и вернулись в Сибирь только после его смерти” (на самом деле никаких “архивных данных” об этом никогда не существовало, поскольку не было самой трехлетней задержки “сеунча”). “Это утверждение, — подчеркивает Р.Г. Скрынников, — находится в вопиющем противоречии с показаниями участников сибирской экспедиции, зафиксированными в Синодике и тобольских летописях”¹⁰.

Возникает вопрос: насколько оправдана в данном случае ссылка на эти источники? Для ответа на него необходимо обратиться прежде всего к текстам Синодика в его первой и второй редакциях (см.: Син. С. 380—381; Ес. С. 70—72). При знакомстве с ними сразу же выясняется, что ни о казачьем посольстве в Москву, ни об отряде кн. С.Д. Болховского здесь не говорится ни слова. “В четвертое лето по сибирском взятъ августа в 6 день” состоялся, согласно первой редакции Синодика, последний поход Ермака на Вагай (во второй редакции приведен другой день — 5 августа). Разгром Кучума, как свидетельствуют обе редакции памятника, произошел в октябре 7089 (1580) г. “Четвертое лето” после этого события наступило 1 сентября 7092 (1583) г. а Ермак погиб в августе, т.е. уже в 1584 г. Следовательно, данные Синодика и Погодинского летописца о дате смерти прославленного атамана совпадают. Более того, можно предполагать, что отголосок последовательности событий, характерной для протографа Погодинского летописца, отразился во вставке, сделанной почерком основного текста в рукописи первой редакции Синодика: “Во второе же лето

Сибирского взятъя *божию помощию еще* храбрствовавши Ермаку своею дружиною..." (Син. С. 380; вставка выделена курсивом. — А.Ш.). Очевидно, у составителя Синодика имелись какие-то основания для особого указания на то, что в это время Ермак был еще жив.

Что касается летописных источников есиповской традиции, то в них действительно содержится версия, будто отряд кн. С.Д. Болховского появился в Сибири еще при жизни Ермака. В целях уяснения хронологии и последовательности основных событий, характерных для данной линии летописания, обратимся к тексту Основной редакции Есиповской летописи. Отправка отряда кн. С.Д. Болховского из Москвы датируется здесь 7091 (1583) г. (см.: Ес. С. 60), а гибель Ермака — 5 августа 7092 (1584) г. (см.: Ес. С. 62—63), после чего оставшиеся в живых казаки покидают "град Сибирь" и уходят на Русь (Ес. С. 63—64). "Во второе же лето по Ермакове убиении прииде с Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людьми... Бе бо тогда осень, и лед в реках смерзается..." (Ес. С. 64). Поскольку новый год начинался тогда 1 сент. бря, то, следовательно, И. Мансуров должен был, согласно хронологии Есиповской летописи, прибыть в Сибирь осенью того же 1584 г. (от сотворения мира это был уже 7093 г.). Далее говорится: "В лето 7093-го приидоша с Руси воеводы Василей Сукин да Иван Мясной", построившие "град Тюмень" (Ес. С. 65). Судя по контексту, здесь имеется в виду 1585 г.

А теперь сравним данные Основной редакции Есиповской летописи с реальными фактами. Документально подтверждается, что ратники кн. С.Д. Болховского были отправлены в Сибирь не ранее весны 7092 (1584 г.)¹¹, а прибыли они сюда, по всей видимости, только к осени. И. Мансуров пришел к бывшей столице Кучума через год, т.е. осенью 7094 (1585) г., и вскоре после этого приступил к строительству городка близ устья Иртыша. Спустя несколько месяцев об этом городке на Оби будет упомянуто в одном из посольских наказов и в царской грамоте яппинскому князю Лугую¹². Твердо установлена в науке и дата строительства Тюмени — лето 7094 (1586) г. Все это ясно противоречит есиповской хронологии, зато хорошо согласуется со сведениями Погодинского летописца о том, что "вскоре" после того, как 5 августа 7092 (1584) г. погиб Ермак, "пришли от государя с Москвы с ратными людьми воевода князь Семен Волконской (везде в Погодинском летописце Болховский неточно именуется Волконским. — А.Ш.) да головы Иван Киреев да Иван Глухов, а с ними казанские и свияжские и пермские и вятские стрелцы" (Пог. С. 134—135), и что И. Мансуров появился в Сибири "по Ермакове ж убиении и по

смерти князя Семена Волконского (курсив мой — А.Ш.) во второе лето" (Пог. С. 135), т.е. осенью 7094 (1585) г., а В.Б. Сукин и И. Мясной — летом 7094 (1586) г. (см.: Пог. С.136).

Все это наводит на мысль о том, что хронология и последовательность событий, присущие летописным источникам есиповской традиции, появились в результате редакторской работы, которой был подвергнут протограф Есиповской летописи, причем это редактирование вполне мог произвести даже не сам архиепископский дьяк, а кто-то из его предшественников. И наоборот, Погодинский летописец, восходящий к тому же протографу, что и произведение С. Есипова, сохранил более древние и более точные известия, читавшиеся здесь еще до редакторской правки. Показательный пример — отсутствие в Есиповской летописи фразы о приходе в Сибирь И. Мансурова после смерти кн. С.Д. Болховского, которая дошла до нас в тексте Погодинского летописца (см. выше слова об этом, выделенные курсивом). Ее исчезновение, ставшее, очевидно, результатом сокращения в протографе, кардинально изменило смысл текста, что повлекло за собой появление в летописи С. Есипова сразу двух неверных дат: 1584 г. — приход за Урал отряда И. Мансурова, и 1585 г. — строительство Тюмени служилыми людьми В.Б. Сукина и И. Мясного. О.сюда следует, что Есиповская летопись и зависимые от нее тексты (а именно их, судя по всему, подразумевает Р.Г. Скрынников под "тобольскими летописями") далеко не во всем могут являться надежными источниками при изучении обстоятельств сибирского похода Ермака. И наоборот, многие сведения, содержащиеся в Погодинском летописце, заслуживают большего доверия. В связи с этим нелишним будет заметить, что приход отряда кн. С.Д. Болховского в Сибирь приурочен ко времени после гибели Ермака не только в нем и в Новом летописце по позднему списку Оболенского, на что обратила внимание еще Е.К. Ромодановская, но и в хронографической повести "О победе на бесерменского сибирского царя Кучума..." — памятнике, созданном не позднее конца 20-х гг. XVII в. и тесно связанном с ранней сибирской летописной традицией¹³.

Итак, чтобы окончательно разобраться в хронологии и последовательности событий, связанных с сибирской экспедицией Ермака, необходимо ответить на два вопроса: 1. Как соотносятся между собой Погодинский летописец и Есиповская летопись? 2. Когда появился протограф Погодинского летописца и кто был его автором?

Пытаясь ответить на эти вопросы, Е. И. Дергачева-Скоп обратила внимание на важную, по ее мнению, деталь, позволяющую датировать

протограф Погодинского летописца 50-ми гг. XVII в. Речь идет об имеющейся здесь фразе: "...а Сибирь город от града Тоболска 15 верст по нынешнему содержанию" (Пог. С. 133). Слова "по нынешнему содержанию", считает Е. И. Дергачева-Скоп, могут относиться только к новой мере длины, утвержденной Уложением 1649 г., из чего следует, что ранее этого времени данный текст появиться не мог¹⁴.

Е.К. Ромодановская по этому поводу замечает, что в Погодинском летописце дважды указывается иное расстояние от Тобольска до Старой Сибири — 12 верст (см.: Пог. С. 129, 136), причем во втором случае об этом говорится в главе об основании Тобольска, которая имеется и в Есиповской летописи, дающей здесь расстояние в 15 верст (см.: Ес. С. 66). Это противоречие Е.К. Ромодановская объясняет тем, что фраза в Погодинском летописце о 15 верстах "по нынешнему содержанию" является позднейшей вставкой¹⁵.

Р.Г. Скрышников также оказался в плену версии о "старых" и "новых" верстах и пришел к выводу, что "составитель Погодинской летописи постарался перевести старые меры на новые": если С. Есипов рассчитывал расстояние старыми 2500-аршинными верстами, то он пользовался 3000-аршинными, утвержденными в качестве единой меры в 1649 г., поэтому 15 есиповских верст превратились у него в 12. Лишь в одном случае в определении расстояния от Старой Сибири до Тобольска автор Погодинского летописца "следовал за С. Есиповым, который употребил не новую, а старую меру (15 верст). Непонятно лишь одно: почему летописец сделал пояснение к версте — "по нынешнему состоянию" (правильно "содержанию". — А.Ш.). По-видимому, и тут сказались поспешность и невнимательность летописца, приведшие его к грубым ошибкам. Иначе трудно объяснить отмеченное противоречие"¹⁶.

Между тем автор Погодинского летописца (точнее, его протограф) вовсе не "следовал за С. Есиповым". Указание на "пятнадцать поярниц" (именно на него, как считает Р.Г. Скрышников, ориентировался первый) встречается в Есиповской летописи только один раз — в главе о строительстве Тобольска (Ес. С.66). При этом никакого "противоречия" с данными Погодинского летописца здесь нет. Для того, чтобы это доказать, достаточно лишь внимательно прочитать рассказ Погодинского летописца об основании Тобольска отрядом Д. Чулкова в сопоставлении с тогдашней гидротопографией (сразу же следует пояснить, что около 1716 г. по распоряжению первого сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина был прорыт канал из Тобола в Иртыш, который отвел устье первого на три версты выше города, в

результате чего гидро топография окрестностей Тобольска существенно изменилась, однако сохранившаяся “Чертежная книга” С.У. Ремезова, составленная за полтора десятка лет до этого, позволяет восстановить ее достаточно точно): “И по повеленью государскому доидоша до реки Иртыша, *от града же Сибири выше 12 поприщ* (здесь и далее курсив мой. — А.Ш.). И *обрете место* на той реке Иртыше *усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единые версты, на велице горе* и красно велми... И на сем же прекрасном месте поставиша град и нарекошася имя ему Тоболеск реки ради Тобылы” (Пог. С. 136).

Итак, отряд Д. Чулкова добрался на судах по Тоболу до его устья, от которого до расположенной вверх по Иртышу бывшей столицы Кучума насчитывалось 12 верст. Далее судовая рать прошла по Иртышу “мало пониже устья реки Тоболу”, т.е. еще около трех верст до устья Курдюмки (примерно такое расстояние дано на ремезовском чертеже Тобольска). Высадившись здесь, служилые люди из двух выходящих к Курдюмке мысов Алафейской горы, возвышавшейся над Иртышем, выбрали дальний (по имени первой из воздвигнутых здесь церквей он с самого начала получил название Троицкого). По прямой, вверх по Курдюмке, до него от берега Иртыша было около “единые версты”. Мысы разделялись между собой ложбиной, названной впоследствии Торговым или Прямским взводом. “Да на том же месте и мысу, где ныне колокольня Софийская, — сообщает “Книга Записная”, — и город первой был поставлен Данилом Чулковым, срублен из судового лодейного лесу небольшой и острогом и нос забираи”. В 1594 г. здесь был построен новый рубленый город с острогом вокруг посада, а в 1600 г. “перенесен Тобольск рубленой город... с Троицкого мысу на другую сторону Торгового звозу на мыс”¹⁷, т.е. ближе к Иртышу. Теперь, “по нынешнему содержанию” города, от Тобольска до Старой Сибири надо было считать не 16 (12+3+1) верст, а 15, т.е. на одну версту меньше. Именно новое местоположение Тобольска и имел в виду автор протографа Погодинского летописца, когда упомянул о 15 верстах, описывая пленение Маметкула. Под расстоянием же в 12 верст он, строго говоря, понимал лишь отрезок пути по Иртышу от бывшей столицы Кучума до устья Тобола, близ которого и возник русский город. Следует обратить внимание на то, что оговорка о “нынешнем содержании” Тобольска могла появиться лишь тогда, когда его перенос на новое место был еще свеж в памяти и представлял определенную актуальность. Вряд ли была необходимость делать подобную оговорку

спустя даже несколько лет после 1600 г. Из этого можно сделать вывод, что рассказ “О взятии царевича Маметкула...” был написан автором протографа Погодинского летописца в самом начале XVII в.

Рассматривая вопрос о соотношении Есиповской летописи и Погодинского летописца, Е.К. Ромодановская на основании текстологического анализа пришла к заключению о вторичности текста тобольского архиепископского дьяка. Пытаясь оспорить этот вывод, Р.Г. Скрынников сослался, по сути дела, лишь на то, “что в Погодинском летописце воспроизведен как текст Есиповской летописи, так и ее цитаты из Хронографа с сокращениями”¹⁸. Наблюдение важное, но в данном случае оно ничего не доказывает: с таким же успехом можно утверждать, что, наоборот, С. Есипов распространил протограф Погодинского летописца. И это теоретически будет гораздо ближе к истине, если вспомнить его собственное признание о том, что имевшееся в его распоряжении “писание”, послужившее для него основным источником, “нечто и стесняемо бе речью, аз же разпространих, беседуя к вашей любви...” (Ес. С.72). Что же касается обстоятельств, при которых в непосредственном протографе Погодинского летописца действительно было произведено некоторое сокращение текста Есиповской летописи, то об этом будет сказано ниже.

Но вернемся к гипотезе Е.К. Ромодановской. В ее пользу можно привести ряд дополнительных текстологических наблюдений. Два из них относятся к рассказу о начале Сибири и о первых татарских царях и князьях. Приведу первое наблюдение:

Погодинский летописец

...А прежде сего како та Сибирская земля нарицашася, не ведомо, понеже как град Сибирь создан, тому много лет преиде. А преж того живяше *ту* (курсив мой. — А.Ш.) по всей Сибирской земле, а како нарицашася, того испытати не возможно: в память никому не вниде, ни писания обретох...

(Пог. С. 130)

Есиповская летопись

..Прежде же сего како сия нарицашася, не вем, понеже отнеле же град Сибирь создан, много лет преиде, испытати не возможно. Прежде бо живяше *чудь* (курсив мой. — А.Ш.) по всей Сибирской земле, а как[о] нарицашася, того в память никому не вниде, ни писания обретох...

(Ес. С. 47)

В данном отрывке С. Есипов (или его предшественник), очевидно, не разобрав слова “ту” (тут), внес уточнение в текст своего протографа, назвав чудью неизвестный народ, населявший Сибирь до прихода татар. Эту информацию он позаимствовал из предыдущего текста того же протографа, включенного им в свою летопись, в котором говорилось:

когда Тайбуга, отнущенный царем Чингисом, отправился с войском “по реце Иртишу вниз ко Обе реке”, он обнаружил, что “тут живяше люди, именовася чють” (Пог. С. 129; ср.: Ес. С. 46). В результате С. Есипов (или его предшественник), во-первых, распространил чужд “по всей Сибирской земле”, в то время как в протографе она имела вполне конкретную локальную привязку, а во-вторых, выпустил из виду, что это уточнение вступило в явное противоречие с последующим его утверждением об отсутствии сведений о том, как назывались люди, населявшие прежде Сибирь.

Не менее важно и второе текстологическое наблюдение:

Погодинский летописец

...И сем Адеров сын Мамет...
постави себе град на реке Иртише
и назва его град Сибирский,
[си]речь начальный, *что ныне*
словет Старая Сибирь, от города
Тоболска вверх рекою Иртишем 12
верст. Царь же Чингис живе много
лет и умре (курсив мой. — А.Ш.).
И оттоле пресецется царство на
реце Ишиме...

(Пог. С. 129)

Есиповская летопись

...По сем Ядеров сын Мамет...
постави себе град на реке Иртише,
и назва его град Сибирь, сий рече
начальный. И живяше в нем царь
много лет и умре. И оттоле
[пресецется] царство на реце
[Ишиме]...

(Ес. С. 47)

Из сопоставления двух этих отрывков ясно видно, что в данном случае С. Есипов (или его предшественник) крайне неудачно сократил и переделал протограф Погодинского летописца, по невнимательности объединив в одном лице князя Мамета и ишимского царя Чингиса, о котором шла речь выше, в результате чего его текст потерял смысл.

В связи с этим особого интереса заслуживают уточнения Погодинского летописца по поводу названия татарской столицы на Иртыше (“что ныне словес Старая Сибирь”) и соотнесение ее с русским городом в устье Тобола, поскольку они указывают на время не позднее конца XVI — начала XVII в., когда это название еще бытовало в противовес Новой Сибири — Тобольску¹⁹. Ко времени С. Есипова (или его предшественника) оно, судя по всему, стало явным архаизмом, поскольку в его летописи это словосочетание не встречается ни разу. Зато в Погодинском летописце Старая Сибирь упоминается еще девять раз (Пог. С. 133, 136, 137).

Можно отметить и другие реалии конца XVI — начала XVII в., имеющиеся в Погодинском летописце. Так, при описании пути дружины Ермака в Сибирь (см.: Пог. С. 130) в нем говорится: “...А Тагилом рекою плыли на низ же в Туру реку, *что ныне по той реке Тагилу в*

Верхотурской уезд” (курсив мой. — А.Ш.). Здесь указывается как действующий путь через Тагильский волок. Но, как известно, после начала активного использования с конца 80-х гг. XVI в. Вишерско-Лозьвинского пути, а особенно после открытия в конце XVI в. Бабиновской дороги, объявленной официальной, Тагильский путь “через Камень”, по которому двигались ермаковцы, довольно быстро пришел в упадок и уже к началу XVII в. прекратил свое существование. Теперь по Чусовой шли не на Тагил, а до р. Утки, а оттуда — на Режь, Нейву и Ницу до Тюмени²⁰.

Еще об одном пути “через Камень” — Печорском — в Погодинском летописце говорится дважды:

1. “...И зимовал и Иван Глухов в Сибири, а на лето, как вода вскрылась, пошел ис Сибири через Камень Собыю рекою и вышел в Пустоозеро, а с ним Ермаковских казаков девяносто человек” (Пог. С. 133—134).

2. “...А в Сибири толко остался во граде Иван Глухов, а толко с ним Ермаковых казаков девяносто человек. И убояшася тут жити и беззапасны до конца, изыдоша из града Сибири и поплыша по Иртишу реке вниз и по великой Оби вниз же, и черес Камень прошли Собыю же рекою в Пустоозеро; тут ж казак Черкас Александров. А куды ныне ходят черес Камень, тогда того пути не бывало. А ис Пустоозера пришли к Руси” (Пог. С. 135).

Обращает на себя внимание указание на другой путь “черес Камень”, которого в 80-х гг. XVI в. еще не было. Речь в данном случае идет о Бабиновской дороге, проложенной, очевидно, сравнительно недавно и в связи с этим заслужившей особого упоминания. Автор, несомненно, сам проезжал по ней и поэтому в самом начале своего произведения специально отметил, что расстояние от Москвы “до первого сибирского града Верхотурья” составляет 2300 верст, “а ходу зимним путем з большими возы семь недель” (Пог. С. 129).

Что же касается Есиповской летописи, то здесь бегство казаков из Сибири описано весьма кратко: они “изыдоша из града тай и поплыша вниз по Иртишу и по великой Оби, и черес Камень бежаша к Руси” (Ес. С. 64). Более пространно, но с существенным искажением текста протографа, изложен этот эпизод в Румянцевском летописце (по мнению Н.А. Дворецкой и Е.К. Ромодановской, это произведение является сокращением Есиповской летописи²¹, а по версии, которую отстаивает Е.И. Дергачева-Скоп, оно отражает первоначальный текст официальной (есиповской) линии сибирского летописания²²): “И убояшася жити во граде, и седше в струги, поплыша вниз по Иртишу

до реки Оби, Обью же *до реки Особи и до Березова, а от Березова* (курсив мой. — А.Ш.) через Камень побегоша к Руси”²³. Сходный текст, только с более правильным написанием названия р. Сось, читается и в других летописных известиях XVII в.: в Предисловии Окладной книги, в Предисловиях Есиповской летописи по Долговскому списку и по списку Публичному 3-му (в последнем р. Сось не упоминается), в одном из списков Головинской редакции Сибирского летописного свода, в Новом летописце и т.д.²⁴ Искажение же заключается в том, что в Березов, построенный лишь в 1593 г. и расположенный на левом берегу р. Сев. Сосьва (в 20 верстах от ее впадения в Обь), попасть из р. Сось, которая впадает в Обь гораздо севернее, было попросту невозможно. Здесь оказались смешанными между собой два северных пути на Русь через Уральский хребет: Сосью в Елец, а оттуда в другую Сось, в Усу и в Печору (именно этой дорогой возвращались ермаковцы, спустившиеся далее по Печоре до Пустозерска, после чего вдоль морского побережья, обогнув Канин Нос, вышедшие в Белое море, а из него — в устье Сев. Двины), и Сев. Сосьвой в Киртас и Сыгву до Шугора и Печоры²⁵. Следовательно, рассказ о бегстве казаков из Сибири, изложенный в Погодинском летописце, является первичным не только по отношению к Есиповской летописи, но также к Новому и Румянцевскому летописцам и их возможным источникам.

Весьма показательно еще одно текстологическое сопоставление, относящееся к эпизоду, в котором Кучум узнает об опасности, нависшей над ним со стороны тайбугиша Сейдяка, желающего отомстить за смерть своего отца Бекбулата и дяди Едигера:

Погодинский летописец

...Царь Кучюм слыша сия от поведających ему и убоися страхом велиим зело, еще бо изобильно в нем страху первого, еже бысть от русских людей. Тогда думной его Карача своими людьми, *иже вестъ всю дума его* (курсив мой. — А.Ш.), отоиде от царя Кучюма...

(Пог. С. 134)

Есиповская летопись

Царь же Кучюм слыша сия от поведających ему и убоися страхом велиим зело, еще бо изобильно страху первого в нем, иже бысть от рускаго полка. По [сем] же думный Карача [со] своими людьми, *иже бысть дому его* (курсив мой. — А.Ш.), отъиде от царя Кучюма...

(Ес. С. 59)

Нетрудно заметить, что из-за невнимательного прочтения часть фразы в протографе Погодинского летописца о Караче и его приближенных, которые знали (“вестъ”) все замыслы (“думу”), а в данном контексте — страхи Кучума, превратилась у С. Есипова (или

у его предшественника) в уточнении о людях Карачи, принадлежавших ("бысть") к его "дому".

Таким образом, приведенные выше примеры подтверждают гипотезу Е.К. Ромодановской о первичности протографа Погодинского летописца по отношению к Есиповкой летописи. Более того, некоторые реалии, как отмеченные Е.К. Ромодановской, так и выявленные автором этих строк, указывают на время его создания — не позднее начала XVII в.

Вместе с тем в тексте Погодинского летописца содержатся неоднократно отмечаемые исследователями эпизоды и фразы, которые не позволяют решить вопрос однозначно.

Во-первых, в рассказе о пленении тобольским воеводой Д. Чуловым князя Сейдяка, казахского царевича Салтана и Карачи говорится, что они охотились с ястребами "близ Тобольска, яко за 2 поприща, имянуется ж место то Княжой луг, *позать того места, что ныне Знаменской монастырь*" (Пог. С. 136; курсив мой. — А.Ш.). Как известно, первый мужской монастырь, получивший свое название по церкви во имя св. Зосимы и Савватия Соловецких, появился за Иртышом, близ устья Тобола, вскоре после основания города. Около 1610 г. он был перенесен на гору. По воздвигнутой в нем церкви монастырь стали именовать теперь Успенским. При архиепископе Киприане его решено было перевести в нижнюю, подгорную часть Тобольска, что и было сделано не позднее 1623 г. Свое новое название он получил по построенной здесь церкви во имя Знамения Богородицы. Следовательно, упоминание о нем в протографе Погодинского летописца с таким названием не могло появиться ранее 20-х гг. XVII в. Е.К. Ромодановская не без основания считает фразу о Знаменском монастыре позднейшей вставкой²⁶.

Во-вторых, на последнем листе Погодинского летописца, после завершения текста произведения словом "Аминь", сделано следующее добавление: "А у царя Кучюма было всех десеть сынов. И семи сынов у царя Кучюма убил князь Сейдяк, которой пришел из Бухар, в Старой Сибири, выше сего то рскохом же. А *три* (курсив мой. — А.Ш.) сыны у Кучюма, царевич Алей да царевич Алтынай, при прежних государех были на Москве; а как оне взяты, тому писмо есть в Посолском приказе. И брат царя Кучюма Маметкул был на Москве же, а как он взят в Сибири и привезен к Москве Иваном Киреевым..." (Пог. С. 137). На этом из-за утраты последующих листов текст рукописи обрывается.

Из трех сыновей Кучюма, оставшихся в живых и упомянутых в процитированном тексте, названы по именам лишь два — Алей и

Алтынай. Под третьим, несомненно, подразумевался Ишим, имя которого приводится в Погодинском летописце наряду с другими в основной его части: "...А сибирскаго царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и съ его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша ж" (Пог. С. 133). Рассказ о гибели других сыновей Кучума, на который ссылается составитель пояснения к основному тексту летописи, выглядит следующим образом: Сеидяк, "прииде из Бухар ко граду Сибири, и град взял, а царевича Алея взял и прочих Кучюмовых сынов смер[ых] убил и из града изгна..." (Пог. С. 135; конец слова, указывающего на количество погибших сыновей Кучума, оказался при переплетении рукописи утраченным, в связи с чем издатели Погодинского летописца в ПСРЛ. Т. 36, неверно реконструировали его как "смер[тью]"; в издании 1907 г., а также в издании, подготовленном Е.И. Дергачевой-Скоп, начало этого слова прочитано как "седмь" или же "седьм").

О названных в Погодинском летописце по именам сыновьях Кучума известно следующее: Алей, являвшийся старшим из них, около 1601 г., т.е. после гибели отца, принял "царский" титул, в конце 1607 или в начале 1608 г. попал в русский плен (подробности и точная дата этого события до сих пор не выяснены) и впоследствии содержался в Ярославле; Алтынай сдался тюменскому воеводе М. Годунову сам и 20 июля 1608 г. был отправлен в Москву, где состоял на службе сначала у Василия Шуйского, а позднее у Михаила Романова; Ишим еще в конце лета 1600 г. добровольно сдался русским властям в Уфе и поехал в Москву, откуда впоследствии был отпущен, стал после пленения Алея сибирским "царем" и вплоть до своей смерти в 1624 г. вел военные действия против русских²⁷.

Таким образом, помещенные в пояснении к основному тексту Погодинского летописца сведения о сыновьях Кучума не могли появиться, учитывая фразу "при прежних государех были на Москве", ранее по крайней мере 1613 г., т.е. даты восшествия на престол царя Михаила Федоровича. А поскольку здесь опущено имя Ишима, который в это время либо еще продолжал воевать с русскими, либо уже был убит, то верхняя дата написания данного пояснения отодвигается в 20–30-е гг. XVII в.

В исследовательской литературе рассмотренное авторское пояснение к тексту Погодинского летописца оценивается по-разному. Так, Е.К. Ромодановская справедливо считает, что, поскольку "справка о сыновьях Кучума не входит в основное повествование", то она "могла быть написана позднее всей летописи"²⁸. Для Р.Г. Скрынникова эта

заключительная часть Погодинского летописца является дополнительным аргументом в пользу позднего происхождения памятника. По его мнению, “невнимательно прочитав “письмо” о пленении сыновей Кучума и их службе в Москве, хранившееся в Посольском приказе, летописец записал, что царевич Алей, сын Кучума, служил в Москве (замечу, что о его “службе” в тексте пояснения не говорится ни слова. — А.Ш.). Черкас Александров, многие годы гонявшийся по степям за Кучумом и Алеем, никогда бы не сделал подобной ошибки. Царевич Алей, названный в посольском документе, был в действительности внуком Кучума по имени Алей Араслан Алеевич”²⁹.

Это построение Р.Г. Скрынникова основано на его собственных домыслах по поводу содержания упомянутого в пояснении к Погодинскому летописцу “писма”, хранившегося в Посольском приказе. Что же касается Черкаса Александрова, то он и в самом деле не мог спутать Алея и его сына, ибо участвовал в 1598 г. в последней битве с Кучумом и был одним из тех, кто захватил в плен большое количество его родственников, в т.ч. жену царевича Алея, двух его сыновей — Али-Арслана и Хансюэра, и дочь³⁰. В начале XVII в. Алей хлопотал перед русскими властями о возвращении из плена своих сыновей, в результате чего Хансюэр (Кансювар или Канчувар, которого документы иногда ошибочно называют сыном Кучума) получил свободу, а Али-Арслан так и остался в Москве и даже был сделан впоследствии касимовским “царем” (именно его имеет в виду Р.Г. Скрынников). Наверняка знал Черкас Александров и о пленении самого сибирского “царя” Алея и даже мог участвовать в этом деле. Если же предположить, что именно он сопровождал Алея в Москву, то не исключено, что либо им самим, либо с его слов и было составлено в Посольском приказе пресловутое “письмо” об обстоятельствах пленения старшего сына Кучума.

В-третьих, в тексте Погодинского летописца после рассказа об основании в 1586 г. Тюмени добавлена фраза: “Того ж лета пришел государев воевода князь Федор Горчаков и пелымского князя Аплыгарыма, призвав в город, поимал” (Пог. С. 136). Здесь явный анахронизм: князь Петр Иванович Горчаков, посланный не позднее января 1593 г. строить новый город на Тавде, действительно получил царский наказ о том, “чтобы приманить Пелымского князя Аблегирима, да сына его большого Тагая, да племянников его да внучат Пелымского, тех всех, приманив, извести”³¹. Вскоре Тагай был пленен на Лозьве сыном боярским В.Ф. Тырковым и отвезен в Москву. Здесь же впоследствии оказались младший сын пелымского князя Таутей и внук

Учот (в крещении Александр)³². О судьбе самого Аблегирима сведений в документах не сохранилось. Е.К. Ромодановская, ссылаясь на то, что наказ Горчакову “дошел до нас без начала, следовательно, без точной даты”, относит его к 1586 г. и тем самым снимает возникшее противоречие³³. Однако система ее доказательств базируется на элементарной отпечатке в работе С.В. Бахрушина “Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках”³⁴, поэтому принята быть не может. Р.Г. Скрынников, как обычно, объясняет появление фразы о пленении Аблегирима невнимательностью автора Погодинского летописца, который, “возможно, заглядывал в документ, но пересказал его с ошибками. Наказ Горчакову не имел даты, и летописец отнес сведения о пленении Аблегирима к... 1586 (7094) г.”³⁵. В данном случае невнимательность проявил сам Р.Г. Скрынников, поскольку наказ с утраченным началом и поэтому с отсутствовавшей здесь точной датой, которая, тем не менее, все-таки устанавливается исходя из содержания документа, был обнаружен и скопирован Г.Ф. Миллером не в Москве, а в Пелыме. Черновой же его отпуск, в котором дата наверняка читалась, нам неизвестен, так как он, скорее всего, погиб во время знаменитого московского пожара 1626 г.

На мой взгляд, появление трех вышеназванных эпизодов и фраз, вступающих в противоречие с имеющимися в Погодинском летописце реалиями рубежа XVI—XVII вв., следует объяснять разными этапами работы над текстом его протографа.

Самый ранний этап, судя по всему, действительно был связан с именем Черкаса Александрова. Косвенные указания на это можно обнаружить уже в первой главе Погодинского летописца, имеющей здесь название “О Сибирской стране” (в Есиповской летописи она разделена на две самостоятельных главы — “О Сибирской стране” и “О сибирских царех и князех”).

Так, упоминавшаяся выше фраза Погодинского летописца о том, что расстояние от Москвы до Верхотурья составляет “яко до двою тысяч и трехсот верст..., а ходу зимним путем з болшими возы семь недель”, вполне могла появиться на основании личных впечатлений Черкаса Александрова: выполняя какое-то поручение, он побывал зимой 1601 г. в Москве, откуда в первых числах июня того же года отправился обратно в Тобольск. Вместе с ним в Сибирь ехали “поп Первой, да литвин Войтех Кривицкий, да стрелец Петрушка Вятчанин, пелымской стрелец Завороха Иванов, тотарове Уразгин, Дыба Имаметов. Да с ними ж послано колодников девять человек”. 29 июля 1601 г. Черкас Александров и его спутники были уже в

Верхотурье³⁶.

Следует отметить, что в главе Есиповской летописи “О Сибирской стране” перечисляются только сибирские реки, в то время как в Погодинском летописце названы также стоящие на них города и остроги: “...а стоит город Верхотурье на реке на Туре на левой стороне...; а Туринской острог стоит на той же реке Туре на правой стороне...; да на той же реке Туре стоит город Тюмень на правой же стороне...; а на Иртише реке стоит город Тоболеск; а выше Тоболска многим расстоянием и на той же реке Иртише стоит город Тара. А река Иртиш пала в реку Обь великую ниже урочища Самаровых гор единым плесом. А Обь великая пала в окиян море розными своими устьи” (Пог. С. 129). В другом месте здесь вновь упомянут Епанчин, “что ныне словет Туринской острог”, а также указано, что “Тавда река пришла в Тобол реку с левой стороны от Пелымского города, за сто верст от города от Тоболска” (Пог. С. 130, 131).

В связи с этим уместно напомнить, что Черкас Александров знал сибирскую географию отнюдь не понаслышке: он был в числе тех, кто в 1586 г. строил Тюмень, в 1587 г. — Тобольск, в 1594 г. вместе с кн. А. Елецким возводил Тару³⁷, по меньшей мере дважды ходил на стругах вниз по Иртышу и Оби — в 1585 г., во время бегства ермаковцев из Сибири, и в 1595 г., в связи с подавлением восстания остяков, осадивших русский город Березов³⁸, и т.д.

Если не с самого начала своей службы в Тобольске, то уж с 90-х гг. XVI в. вполне определенно, Черкас Александров занимал должность головы тобольских конных татар. Немаловажной причиной этого назначения было то, что он, как сообщает о Черкасе один из документов конг-а XVI в., “татарского языку умеет”³⁹. С учетом данного факта вполне объяснимым становится появление в начале рассказа о татарских царях и князьях, помещенного в Погодинском летописце после перечня сибирских рек и городов, следующей фразы: “Первое начало Сибирской земле, *как было мочно изыскать письмяны и старейшинами людьми* (курсив мой. — А.Ш.) о начале тое Сибирские земли...” (Пог. С. 129). В Есиповской летописи эта фраза в данном месте отсутствует, однако близкие по смыслу слова читаются здесь во вступлении непосредственно перед оглавлением “книзи сей”: “О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца т[ата]рского, ино же достоверными мужи испытывах, еже добре и некоснено поведаша ми яве” (Ес. С. 42).

Выше уже говорилось, что рассказ о “начале Сибирской земли” читался в протографе как Погодинского летописца, так и Есиповской

летописи, причем в Погодинском летописце сохранился первоначальный текст оригинала. Следовательно, авторство этого рассказа с высокой степенью вероятности можно приписать Черкасу Александру. При этом он, судя по его собственному признанию, опирался на какие-то письменные татарские источники и на местный татарский фольклор. Позднее С. Есипов переделал на свой лад данное признание и перенес его в другое место.

Если рассказ о сибирских реках, городах и острогах в первоначальном своем варианте мог сложиться на основании устных или письменных показаний Черкаса Александра, которые он, в соответствии с тогдашней приказной практикой, давал в 1601 г. в Москве, а потом использовал в качестве своеобразных “заготовок” при написании своей летописи, то некоторые факты, относящиеся к родословной сибирских правителей Черкас, скорее всего, приводил в Посольском приказе еще раньше — во время пребывания в столице первого казачьего посольства.

Так, в царской грамоте 1597 г. на имя Кучума дана, хотя и фрагментарно, последовательность сибирских князей-тайбугинов начиная с Магмета (Мамета), вступившего на престол после убийства “царя” Ибака (Упака): “...а после... Ибака царя были на Сибирском государ[стве] князи Тайбугина роду: Магмет к[нязь, а по]сле его Казый князь...”⁴⁰. Согласно Погодинскому летописцу, после князя Тайбуги, основателя “града Чимги” на Туре, ставшей столицей Тюменского ханства, здесь правил “сын его Ходжа, по сем Ходжин сын Мар. Маровы дете Адер, Абалак. Мар женат был на сестре казанского царя Упака. Сей же казанской царь Упак зятя своего Мара уби и градом облада и владе много лет. А Маровы дети Адер и Обалак умре своею смертью. А у Адера остана сын Мамет”, который убил Упака и, разрушив “град Чинги”, перенес свою столицу на Иртыш. “По князе ж Мамете княжил на Сибири Абалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казый. По нем же Казыевы дети Едигер, Бекбулат, которых побил царь Кучюм. Бекбулатов же сын Сейдяк” (Пог. С. 129 — 130).

Оставляя в стороне вопрос о достоверности как приведенной в Погодинском летописце родословной сибирских князей-тайбугинов, так и обстоятельств их взаимоотношений с шейбанидами, отмечу лишь определенное совпадение этих сведений с данными грамоты царя Федора Ивановича, адресованной Кучуму. Если это совпадение не является случайным, то вполне допустимо предположение о существовании у них общего источника, каковым могла быть

предварительная информация о прежних сибирских правителях, полученная в 1583 г. в Посольском приказе от Черкаса Александрова. Сам же он, будучи знатоком татарского языка, стал ее обладателем еще в Сибири⁴¹. Кстати, не эти ли его лингвистические способности имел в виду автор или же редактор протографа Погодинского летописца, когда отметил, что в составе посольства “послан был казак Черькас Александров потому [...] // не малой, всего 25 человек” (Пог. С. 132)? Из-за утраты последней строки внизу листа рукописи об этом остается только гадать. Рискну в связи с этим предложить возможный вариант чтения данного текста: “...Ермак с товарищи послаша к государю... к Москве с сеуньчем атамана и казаков, тут же послан был казак Черькас Александров, потому [что татарского языку умел, в дружи] // не малой, всего 25 человек”⁴². Впрочем, в утраченной строке могла идти речь и о дороге, например: “...по тому [ж пути черес Камень, в дружи] // не малой...”

Итак, можно предполагать, что в самом начале XVII в. “голова татарская” Черкас Александров изложил в целостном виде на бумаге историю сибирского похода Ермака и последовавших за этим событий, доведя их до 1587–1588 гг., когда, по его мнению, завершилось покорение Сибирского “царства”. Название этого произведения, отразившее его основные идеи, сохранилось, судя по всему, в Погодинском летописце: “Повесть летописная, откуда начаяся царство бисерменское в Сибири и чесо ради наречеса Сибирь, и како божиим повелением взята бысть православными хрестьяны, и како в Сибири бусорменская вера умалилась, а православная крестьянская вера распространилась” (Пог. С. 129).

Свое повествование Черкас Александров предварил рассказами о “Сибирской стране”, об основании татарской столицы на Иртыше и о завоевании ее Кучумом, которого он именовал “Муртазелеевым сыном” (в Есиповской летописи — “Муртазеевым”). При этом Черкас опирался на свои собственные воспоминания и впечатления, на воспоминания других людей, бывших участниками описываемых событий, на местные предания, а также на какие-то письменные источники, в т.ч. на татарские летописи и, вероятно, на материалы своего личного архива.

Созданное Черкасом Александровым произведение содержало в себе как бы два ряда эпизодов. С одной стороны, он описал события, непосредственным свидетелем которых был: поход дружины Ермака из 540 человек в Сибирь, основные сражения с татарами вплоть до битвы под Абалаком, взаимоотношения с местным населением, посылку

посольства в Москву и возвращение его в составе отряда кн. С.Д. Болховского, отpravку в столицу плененного Маметкула, “голодную” зиму и бегство оставшихся в живых ермаковцев на Русь, поход за Урал отряда В.Б. Сукина и И. Мясного и строительство Тюмени, прибытие в Сибирь отряда Д. Чулкова и строительство Тобольска и, наконец, пленение “князя Сейдяка и царевича Казачьи орды Салтана и Карачи”. С другой стороны, в его летописи оказались включенными эпизоды, о которых Черкас знал лишь со слов других людей: пленение Маметкула, “пришествие князя Сейдяка из Бухар и отшествие” от Кучума Карачи, Белогорский поход, гибель Ивана Кольца и его товарищей, осада Карачей ермаковцев во “граде Сибири”, смерть Ермака, занятие Алеем покинутой казаками Кучумовой столицы и нападение на него Сейдяка, а также приход в Сибирь отряда И. Мансурова. Совмещение этих эпизодов в едином повествовании привело автора в силу его неопытности к сбивчивости и повторам в изложении событий, от которых пытались избавиться впоследствии редакторы его текста.

В связи с этим особо следует сказать, что Черкасом Александровым была вполне определенно обоснована начальная хронология похода. Однако сделал он это в иносказательной форме, вследствие чего текст обоснования оказался исключенным, как будет показано ниже, при последующем редактировании. Это привело к ошибкам позднейших летописцев и породило длительную дискуссию по данному вопросу в исторической литературе.

Черкасовское обоснование дошло до нас только лишь в тексте Погодинского летописца. Выглядит оно здесь следующим образом: “...И по сем царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать Чюсовую, и доходили до реки Камы и до города Соли Камской, и многа дурна над православными христианы починили. А как Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовую, и в тою ж пору *прибежал с Волги* (здесь и далее курсив мой. — А.Ш.) атаман Ермак Тимофеев с таварыщи, *пограбили на Волге государеву казну и погромили нагайских татар* и Чюсовой сибирским повоевать не дали. И с тех мест учали оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им донти до Сибирской земли до царя Кучюма. *А за год до того времени, как Кучюмов сын дошел на Чюсовую*, некто был в Сибири ж пелымской князь Аплыгарым, воевал своими татараы Пермь Великую *в лето ж повеленья гос[подня]*, *в не ж бог восхоте царство его разрушити* и дати православным крестьяном...

...В лето 7089-го... посла бог очистити место идолское и победити

царя Кучюма и безерменство его... И как Ермак с товарищи, погромя государеву казну, пришел на Чюсовую, и о том выше сего именовахом. А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю с Еика на Иргинские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левой стороны; а Волгою шел Ермак вверх. А из Волги в Каму реку и Камою рекою вверх же, а из Камы реки поворотили направо в Чюсовую реку и Чюсовою вверх же; а ис Чюсовой реки в Серебряную реку..." и т.д. (Пог. С. 130).

При беглом чтении первого из этих отрывков поначалу создается впечатление, что все события — грабеж "государевой казны" и разгром ногайцев, бегство казаков с Волги и схватка на Чусовой с войсками Алея — произошли друг за другом, причем почти одновременно. Однако внимательное знакомство с последующим текстом показывает, что данное впечатление обманчиво, поскольку является следствием неудачной конструкции фразы и использованием неопределенного указания — "в тою ж пору". На самом же деле, если воспринимать логику и хронологию изложенных событий в целом, получается следующее: выполняя Божественную волю, дружина Ермака выступила в поход на "царя Кучюма" почти сразу же после погрома на Волге "государевой казны" и сражения с ногайцами, причем в тот момент, когда на Пермь Великую напал "пелымской князь Аплыгарым". Произошло это за год до прихода на Чусовую воинства царевича Алея. Как же датируются все эти события?

Известно, что в середине июля 1581 г. царский посол В. Пелепелицын, находившийся в Ногайской орде, отправился в сопровождении ногайского посольства с охраной в 300 всадников и торгового каравана бухарских купцов—"ордобазарцев" в Москву. В первых числах августа на переправе через Волгу под Сосновым островом (в районе р. Самары) они попали в засаду и подверглись разгрому. В нападении принимали участие "казаки Иван Кольцов, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищи". "Трое из четверых названных "воровских" атаманов, — Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря, — отмечает Р.Г. Скрынников, -- позже стали главными сподвижниками Ермака в сибирском походе". Указом Ивана Грозного все они были объявлены вне закона, а "тех воров", "волжских атаманов", велено было "казнити смертью".

Этот же погром упоминается со слов чердынского воеводы В. Пелепелицына — бывшего посла, ограбленного "ворами", и в царской грамоте от 16 ноября 1582 г., адресованной М.Я. и Н.Г. Строгановым: "...А те атаманы и казаки (отправившиеся "воевати... Сибирские

места". — А.Ш.) преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозах побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинили"⁴³.

Набег Аблегирима также начался в конце лета 1581 г. Пройдя за "Камень" старой сибирской дорогой по Лозье на Вишеру, пелымцы попытались разорить Чердынский край, но встретили здесь, очевидно, серьезное сопротивление, после чего, намереваясь вернуться назад Сылвинским путем, "о Семене дни" (в начале сентября) обрушились на строгановские владения. О размерах бедствия говорит челобитная С.А. и М.Я. Строгановых, сохранившаяся в изложении грамоты Ивана IV от 20 декабря 1581 г.: "...приходил Пелымский князь (с) ратью, а с ним семсот человек, и их-де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве и на Чусовой, и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поймали, и лошади и животину отогнали". Об этом же свидетельствует и другая царская грамота — от 6 ноября того же года: "Били нам челом Семен да Максим Строгановы, а сказали: приходил деи войной Пелымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; а ныне деи Пелымской князь с вогуличи стоит около Чусовского острогу"⁴⁴.

Согласно Погодинскому летописцу, Бог "посла" казаков "победити царя Кучюма" в том же 1581 (7089) г. Произошло это следующим образом: сразу же после нападения на послов и "ордобазарцев" они подстерегли на переправе и разгромили большой, численностью в 600 человек, отряд ногайцев, возвращавшийся после набег с добычей из-под Темникова и Алатыря (ср. слова Погодинского летописца: "... и погромили нагайских татар"). Далее казачья дружина, преследуя разбитых ногайцев, добралась до Яика. Здесь казаки разделились: часть и.л. во главе с Богданом Борбошей осталась на Яике, а остальные 540 человек во главе с Ермаком собрались идти в Приуралье. Решение было принято ими в конце августа. На исходе был старый 7089 (1581) г., и ермаковцы это хорошо запомнили. С Яика они перебрались на верховья Иргиза, затем, продвигаясь на судах вверх по Волге и Каме, достигли устья р. Чусовой, узнав по дороге о пелымском набеге. Поднимаясь по Чусовой, дружина Ермака, судя по всему, прошла далее в Сылву и здесь столкнулась с арьергардом Аблегирима, нанесла ему поражение и стала его преследовать (отголоски этих событий отразились в рассказах о боях ермаковцев с вогулами в самом начале их похода в Сибирь, которые читаются в хронографической повести "О победе на бесерменского сибирского царя Кучума...", в

Строгановской летописи, в Лихачевской редакции Есиповской летописи, в Бузуновском и Кунгурском летописцах и т.д.). Наступление зимы казаки встретили в укрепленном лагере на Сылве. Весной они вернулись в строгановские городки на Чусовой и Каме, очевидно, приглашенные на службу Строгановыми. Им было предложено совершить нападение на Пелымское княжество.

Лето 1582 г. прошло в сборах, а в августе, в самый канун похода на Пелым, "Кучюмов сын Алеѣй пришел войною на Чюсовую". Нападение, судя по всему, было совершено через Тюменский волок по Сылве с выходом на строгановские городки. Вместе с Алеем, являвшимся, кстати, ногайским мурзой, в набеге участвовал и пелымский князь, жаждавший реванша. Поскольку ермаковцы "Чюсовой сибирским повоевать не дали", татарско-пелымская рать двинулась дальше, разоряя русские поселения по Каме, дошла "до города Соли Камской" (спустя даже три столетия соликамцы будут вспоминать о страшном "нахождении Ногайск: х вогулч на город"), а 1 сентября 7091 (1582) г., как свидетельствуют документы, осадила Чердынь. Тем временем казачья дружина поменяла свои планы: "и с тех мест учали... мыслити и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли до царя Кучюма". Привыкшие действовать по обстоятельствам, казаки двинулись вверх по Чусовой.

Так в общих чертах выглядит реконструкция начального этап сибирской экспедиции Ермака, если опираться на документы и на данные Погодинского летописца, в основе которых лежат "свидетельские показания" Черкаса Александрова, лично проделавшего этот путь.

Кстати, при таком варианте развития событий снимается вопрос о том, успевали или нет казаки к 20-м числам октября добраться до Иртыша, поскольку они, судя по всему, выступили из Чусовского городка не 1 сентября, как утверждал в своей отписке в Москву В. Пелепелицын, либо не знавший, либо умолчавший о сражении ермаковцев с Алеем, а недели за две или за три до этого (примерно столько времени должно было уйти у татар и пелымцев, чтобы с боями добраться до Чердыни).

Но если принять за основу данную хронологию, то надо признать, что ермаковцы заняли столицу Кучума 26 октября 7091 (1582) г. Между тем в Погодинском летописце приводится иной год: казаки, "уповаша на бога, приидоста во град. *Приидоста ж Ермак с товарищи во град Сибирь в лето 7089-го* (курсив мой. -- А.Ш.) октября в 26 день" (Пог. С. 132). Это противоречие объясняется тем, что выделенные курсивом слова являются, несомненно, позднейшей вставкой в текст протографа Погодинского летописца.

Кстати, типологически сходная вставка, дающая характерное удвоение фразы, обнаруживается и в рассказе об отправке царевича Маметкула в Москву: "...А Иван Киреев пошел с царевичем Маметкулом к Москве. *И как Иван Киреев с царевичем Маметкулом пришел к Москве 92-м году* (курсив мой. — А.Ш.), и в то время, богу изволшу, царя Ивана Васильевича не стало" (Пог. С. 135). Поскольку, в соответствии с хронологией протографа Погодинского летописца, приход отряда кн. С.Д. Болховского в Сибирь произошел в конце лета — начале осени 1584 (7092/93) г., после чего царевича отправили в столицу, то получается, что Киреев с Маметкулом не могли прибыть в Москву ранее зимы того же года, а это был от сотворения мира уже 7093 г. Следовательно, фраза, выделенная в процитированном отрывке курсивом, является позднейшей интерполяцией.

Прежде чем отвечать на вопрос, когда и кем были внесены в протограф Погодинского летописца эти фразы, необходимо вспомнить о некоторых фактах из истории раннего сибирского летописания.

Как сообщает Есиповская летопись, на второе лето своего "престольства", т.е. около 1622 г., тобольский архиепископ Киприан "повеле разпросить Ермаковских казаков, како они приидоша в Сибирь и где с погаными были бои, и ково где убили погании на драке. Казаки ж принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь и где у них с погаными бои были, и где казаков и каковы у них именем убили" (Ес. С. 70). На основании этого "Написания" по распоряжению Киприана была составлена первая редакция Синодика Ермаковым казакам, текст которой, внесенный в рукопись общего Чина Православия, совершаемого ежегодно в Неделю Православия во время Великого поста, хранился в Софийском соборе⁴⁵. Кроме того, как уже говорилось, автор Есиповской летописи указал на свой главный источник — некое относительно краткое "писание" ("нечто и стесняемо бе речью"), которое он "разпространих" в процессе работы над своим произведением (Ес. С.72). Одновременно им была включена в летопись вторая редакция Синодика. Сделал он это, по его словам, для того, чтобы читатель имел "помочь" при исправлении "летописи сия" (Ес. С. 69).

Долгое время ученые видели в "писании" текст собственно Синодика, пока С.В. Бахрушин не доказал, что "Написание", принесенное казаками архиепископу Киприану, и "писание", на которое ссылался С. Есипов, — это одно и то же не лишнее литературных достоинств сочинение, возникшее на рубеже XVI—XVII вв. Именно оно послужило первоисточником как для Синодика,

так и для двух ранних летописей, посвященных походу Ермака, — Есиповской и Строгановской⁴⁶. Разделяя это мнение, Е.К. Ромодановская, как об этом было сказано выше, увидела в “Написании”, созданном, согласно ее предположению, Черкасом Александровым, протограф Погодинского летописца.

Однако существуют и другие точки зрения. Так, например, Е.И. Дергачева-Скоп считает, что по просьбе Киприана ермаковцы “составили краткую “скаску” о походе в Сибирь и дали перечень убитых казаков. Возможно, что, за исключением ряда деталей, этот рассказ прозвучал и в Синодике”. Что же касается “писания”, использованного С. Есиповым, то им являлась гипотетическая повесть “О Сибири”, к которой восходит Румянцевский летописец⁴⁷. К выводам Е.И. Дергачевой-Скоп о протографе Румянцевского летописца присоединился А.В. Лаврентьев. При этом он уточнил, что в основу данного протографа были положены раннее историко-географическое описание “Сибирской земли” и особая повесть о походе в Сибирь Ермаковой дружины, в ряде случаев сходная с Кунгурской летописью. Объединение этих текстов произошло до 1630 г., после чего новоявленная повесть “О Сибири” послужила источником для сибирских статей Нового летописца, Есиповской летописи и Свода 1652 г.⁴⁸

Вслед за Е.И. Дергачевой-Скоп, Р.Г. Скрынников также склонен видеть в казачьем “Написании” лишь составленную по заказу Киприана “запись воспоминаний тобольских ветеранов, где, по точному указанию источника, содержались прежде всего имена ермаковцев, погибших во время сибирского похода” (при этом остается неясным, что же тогда, “по точному указанию источника”, следует понимать под словами: “...како приидоша в Сибирь и где у них с погаными бои были”). Эти “списки”⁴⁹ “легли в основу Синодика, составленного в стенах Тобольского архиепископского дома”⁵⁰. Протографом же Есиповской и Строгановской летописей являлась некая ранняя Тобольская летопись, не сохранившаяся до нашего времени, автор которой в изложении событий “следовал второй редакции Синодика ермаковым казакам”. В некоторых пунктах она совпадала с “Кратким описанием о Сибирской земле и о походе атамана Ермака”. По своему содержанию эта летопись в целом соответствовала реконструкции, сделанной С.В. Бахрушиным в отношении “Написания”. Исходя из наблюдений других исследователей, Р.Г. Скрынников особо отметил тот факт, что при работе над текстом предполагаемой Тобольской летописи С. Есипов дополнил ее заимствованиями из Хронографа редакции 1512 г.⁵¹, а автор

Строгановской летописи использовал в аналогичных целях Повесть 1626 г. (Летописную книгу), посвященную событиям Смуты⁵². К сказанному следует добавить, что И. Ю. Серовой на ряде текстологических примеров удалось доказать несомненную связь с Летописной книгой не только Строгановской, но и Есиповской летописи, в которой “текст источника подвергся более жесткой переработке”⁵³.

Опираясь на сделанные выше наблюдения и выводы и учитывая результаты исследований предшественников, попытаюсь вкратце изложить свое собственное представление об основных этапах истории раннего сибирского летописания.

Можно предполагать, что “Написание”, принесенное Киприану ветеранами “Сибирского взятия”, состояло, с одной стороны, из сокращенного и переработанного текста сочинения Черкаса Александра, а с другой — из перечня имен атаманов и казаков, погибших во время похода, в большей или меньшей степени соотнесенных, причем независимо от предыдущего текста, с важнейшими событиями сибирской экспедиции Ермака.

При этом сокращению и переделке в черкасовском повествовании подвергся прежде всего рассказ “О Сибирской стране”: расстояние от Москвы до Сибири стало определяться теперь в 2000 верст, исчезли упоминания о семинедельном пути до Москвы и о всех городах и острогах, расположенных на сибирских реках, изменилось описание Обского устья, в сообщении о поклонении вогулов идолам в отношении последних был исключен эпитет “бездушным”, были убраны фраза о Старой Сибири, находившейся в 12 верстах от Тобольска, а также имя царя Чингиса, умершего на Ишиме (подробнее об этом см. выше).

Особо следует отметить редакторское сокращение в эпизоде, посвященном восстанию против царя Она, которое поднял некто “от простых людей” (здесь и далее курсив мой. — А.Ш.) именем Чингис”, следующей аналогии: “...яко ж бысть в Великой Орде и в Руском государстве в некоторое время наименовася Темир-Аксак от простых же людей; пишет про то инде в московских летописех”. Если для редактора эти слова были ненужной деталью, то для автора “Повести летописной” все упоминания о простолюдинах-завоевателях имели принципиальное значение, ибо ассоциировались в его представлении с именем Ермака — покорителя Сибири, также происходившего “от простых людей”, но отмеченного при этом печатью богоизбранности. Именно об этом идет речь в одной из ключевых фраз произведения Черкаса Александра: “И охранил бог не от славных мужей, ни царска повеленья восвод, и вооружил

бог славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына, прозвище ему было у казаков Токмак". (Пог. С. 130). Эта же мысль отчетливо звучит и в противопоставлении Ермака Кучуму, вложенном в уста последнего: *"Хто мя победи, из царства отгна? Ведаем, от простых бо людей Ермак и не со многими прииде, и толико зло сотвори, вон моя изби и меня посрами... Яз победих во граде Сибири князей Едигера и Бекбулата и многое богатство приобретох, також ни от кого послан, а ныне обратились мои дела противу мне"* (Пог. С. 132). В данном случае читатель легко разрешает недоумения Кучума по поводу своего поражения, ибо прекрасно понимает, что, в отличие от него, "простые люди" Ермак и его товарищи завоевали Сибирь, будучи посланными самим Богом (ср. несколько иную трактовку данного эпизода в Строгановской и Есиповской летописях). Эту идею хорошо усвоил автор первой редакции Синодика Ермаковым казакам, творчески переработавший черкасовский текст, сохранившийся после предыдущего редактирования: *"...избра бог и посла не от славных муж, ни от царьского повеления воевод очистити место святыни и победити бесерменского царя Кучума... Но от простых людей избра и вооружи бог славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Повольскаго со единомысленною и с предоблею дружиною храбрѣствовавшее"* (Син. С. 380).

Но вернемся к обстоятельствам первоначальной редакторской работы над текстом Черкаса Александрова. Возможно, уже тогда в рассказе о происхождении названия Сибири были сокращены отчество Мамета ("Адеров сын") и имя казанского царя Упака, а слово "ту" (тут) превратилось в "чюдь". В рассказе "О царе Кучюме" был опущен эпизод о набегах Алея и "Аплыгарыма" (со слов "И по сем царь Кучюм посла сына..." до слов "...воевал своими татары Пермь Великую" включительно), в результате чего исчезли не только информация о "криминальном" прошлом ермаковцев (видимо, это и являлось основной целью данного сокращения), но и обоснование начальных дат похода, что привело в дальнейшем к искажению в хронологии последующих событий. В рассказе "О пришествии Ермакове в Сибирь" были опущены прозвище атамана "Токмак" (вместо этого появилось новое прозвище — "Повольской"), оговорка о погроме казаками перед приходом на Чусовую "государевой казны", описание пути от Яика до Чусовой (в новом тексте были оставлены лишь указания на Волгу и Каму) и целый ряд других подробностей, относящихся как к маршруту ермаковцев, так и к их боям с татарами. В числе прочего исчезли упоминания о р. "Борончук"

и фраза “что ныне по той реке Тагилу в Верхотурской уезд”, а также был сокращен текст о том, что “от Тагилу поплыл Ермак с товарищи Турою рекою вниз и догребли... до Епанчина, что ныне словет Туринской острог. И тут у Ермака с татары с Кучюмовыми бой был, а языка тотарского не изымаша. И царю Кучюму то стало ведомо, а приходу на себя Ермакова не чаял, а чаяху, что он воротитца назат на Чусовую. И съ Епанчина погребли на нис же Турою рекою в Tobол реку, а Tobол река пришла с правые стороны нис степи. И Тура река пала в Tobол реку. И Tobолом рекою доидоша до реки до Тавды, а Тавда река пришла в Tobол реку с левой стороны от Пельнского города, за сто верст от города от Tobолска” (вместо этого было приведено краткое известие о том, что казаки плыли Тагилом и Турою до Тавды). Кроме того, царевич Маметкул был впервые назван здесь сыном Кучума (у Черкаса Александра он в последующем тексте везде именовался братом “царя”), а в отношении урочища Бабасан исчезло уточнение, что оно находилось “на реке на Тоболе”. В рассказе “О Карачине улусе” была исключена фраза о том, что Карача “любим ему (Кучуму. — А.Ш.) был, делал царю пансыри и колчюги и всякую ратную збрую”, а слова “и царева имения” редактор прочитал как “и царева меду”.

Было подвергнуто переработке и дальнейшее повествование Черкаса Александра. Так, целый ряд подробностей был убран из рассказа о посылке в Москву “сеунча”. При этом в известии об отправке в Сибирь вместе с “сеуншиками” отряда воеводы С.Д. Болховского исчезло имя Ивана Киреева, а также указания на количество стрельцов и на их происхождение. Вместо этого стала читаться фраза: “С ними же государь послал воевод своих князя Семена Болховского да Ивана Глухова”⁵⁴. Тем не менее заключительные слова этого рассказа (“А Ермаку указал государь быть к Москве. И Ермак в тое пору убит, покамест сеуншики ездили к Москве”) редактор, судя по всему, механически переписал. (Именно в этих сохранившихся словах и заключается, как мне кажется, источник происхождения уже упоминавшейся выше последовательности событий в хронографической повести “О победе на бесерменского сибирского царя Кучума...” и в Новом летописце по списку Оболенского, а также оговорки в первой редакции Синодика о том, что во второе лето после Сибирского “взяття” “еще храбрествовавши Ермаку своею дружиною”). Наконец, в рассказе “О взятии царевича Маметкула...” было убрано уточнение: “...а Сибирь город от града Tobолска 15 верст по нынешнему содержанию”.

Но на этом правка текста сочинения, принадлежавшего перу

Черкаса Александра, не закончилась.. Ознакомившись далее с рассказом “О государевых воеводах с Москвы”, который завершался изложением обстоятельств бегства казаков из Сибири, редактор вслед за этим обнаружил ряд эпизодов, хронологически предшествовавших данным событиям, причем после описания гибели Ермака, случившейся 5 августа 7092 (1584) г., в протографе вторично говорилось о приходе воевод. Эта непоследовательность озадачила редактора и заставила его произвести перекомпоновку материала: вслед за главой о пленении Маметкула он вставил главу о появлении Сейдяка и уходе от Кучума его “думного” Карачи (возможно, именно тогда люди, знавшие “всю думу” царя, преградились под пером редактора в людей, принадлежавших к “дому” его советника), а также главу о “взятии” ермаковцами “городков и улусов” по Иртышу и Оби (при этом из его текста исчезло уточнение о том, что Назымский городок находился на Иртыше, зато появились слова о том, что Ермак и его дружина ходили по Сибирской земле “стопами свободными”). Далее он поместил главу о приходе отряда кн. С.Д. Болховского и И. Глухова (как и в главе о посольстве, здесь были опущены имя Ивана Киреева и характеристика стрельцов). Ее текст подвергся при этом существенной переработке. В числе прочего отсюда исчезло описание бегства ермаковцев после “голодной” зимы на Русь, зато было внесено совершенно новое известие о том, что с наступлением весны голод “во граде Сибири” прекратился, т.к. местные жители стали приносить казакам “многие запасы”. Включение этого известия означало, что редактор решил придерживаться при изложении материала иной версии событий, нежели та, которую он нашел в протографе.

Причина этого, как мы увидим ниже, была связана с появлением в редактируемом тексте даты прихода в Сибирь воевод — 7091 (1593) г. Та же дата, как уже говорилось, встречается и в Есиповской летописи. В Строгановской летописи год прихода воевод дан описательно — “во второе лето” после взятия Сибири³⁵. Если исходить из того, что, согласно ее хронологии, возникшей в результате неточной интерпретации дат в царских грамотах из архива Строгановых, ермаковцы заняли столицу Кучума 26 октября 7090 (1581) г., то нетрудно установить и указанное “лето”, которым является все тот же 7091 (1593) г.

Встает вопрос: откуда редактор взял дату прихода воевод? По всей вероятности, он высчитал ее сам, опираясь на текст протографа, в котором во втором рассказе о присылке из Москвы отряда стрельцов говорилось, что воеводы Болховского “во граде Сибири не стало”, а

“многие Ермаковы казаки, и которые с Руси люди пришли, померли в городе з голоду. А Иван Киреев пошел с царевичем Маметкулом к Москве, и в то время, богу изволцу, царя Ивана Васильевича не стало”. Не обратив внимания на тот факт, что в первом рассказе протографа о “государевых воеводах с Москвы”, который он исключил, Иван Киреев повез Маметкула, как это следует из контекста, еще до наступления “голодной” зимы, редактор понял приведенный выше отрывок буквально и пришел к следующему выводу: если Маметкула отправили в Москву еще при Иване Грозном, а доставили сюда уже при Федоре Ивановиче, вступившем на престол весной 7092 (1584) г. (а именно о приеме знатного пленника новым царем шла в протографе речь в дальнейшем); то, с учетом “голодной” зимы, после которой царевича якобы повезли в столицу, приход воеводы С.Д. Болховского в Сибирь должен был произойти за год до этого и его следует относить к 7091 (1583) г.

Эта дата тут же вступила в противоречие с указанной в протографе датой смерти Ермака, что привело редактора к необходимости произвести новые перестановки и переделки в тексте. Поэтому после главы об отправке Маметкула в Москву, из которой, как и в предыдущей главе, исчезло имя Ивана Киреева, были помещены главы о коварном “убиении” Ивана Кольца и его дружины, об осаде ермаковцев “во граде Сибири” людьми Карачи (при этом слова “пролитие воды” стали читаться как “пролетие”), о гибели на Вагае Ермака, произошедшей 5 августа 7092 (1584) г. (при этом исчезло упоминание о тяжелом “пансыре”, надетом на атамана), о бегстве после этого казаков из Сибири (при этом были сокращены слова о том, что казаки оказались “беззапасны до конца”, известие о 90 оставшихся в живых ермаковцах и упоминание о Пустоозере и другом пути “черес Камень”), о захвате бывшей столицы Кучума царевичем Алеем и разгроме его князем Сейдяком (при этом исчезла фраза о пленении Алея и убийстве семерых сыновей Кучума), о приходе в Сибирь “во второе же лето по Ермакове убении”, т.е. осенью 1584 г., воеводы И. Мансурова (при этом был исключен текст: “На Москве ж чающе Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди. И послаша с Москвы воеводу Ивана Мансурова, а с ним семьсот человек служилых людей розных городов, казаков и стрелцов... и по смерти князя Семена Болховского...”), о строительстве им городка на Оби и осаде его остяками (при этом сам рассказ был разделен на две главы, а заключительная фраза протографа “И с того страха отондоша восвояси, а Иван Мансуров в том городке жил многое время и до

весны”, стала читаться: “И от того часа возвратишася восвоеси”), об основании в 1585 г. Тюмени (объяснение появления двух неверных дат, связанных с приходом И. Мансурова и строительством Тюмени, см. выше), а в 1587 г. — Тобольска (эта глава также была изрядно сокращена и переделана; в частности, вместо пространного и красочного описания местоположения будущей русской столицы Сибири, читавшегося в протографе, здесь было лишь кратко указано, что Д. Чулков “дондоша до реки Иртыша, от града Сибири пятнадцать поприщ”), и, наконец, о пленении Сейдяка, Салтана и Карачи (данная глава тоже оказалась слегка переработанной). Все то заканчивалось заимствованной из повествования Черкаса Александрова концовкой, в которой некоторые фразы были убраны и изменены, зато оказались добавленными слова о церквях и монастырях, построенных в Сибири.

Итак, правка, которой подверг свой протограф редактор, коснулась не только отдельных подробностей, но также хронологии и последовательности событий, что привело к серьезной переделке текста. Кем, когда и при каких обстоятельствах было произведено это редактирование — неизвестно. Можно лишь предполагать, что черкасовский текст имел черновой характер (этим, наряду с неопытностью автора, отчасти объясняются его сбивчивость и повторы), поэтому ветераны сибирского похода, идя навстречу инициативе Киприана, попросили сделать с него чистовую копию кого-то из иноков Тобольского Успенского монастыря, а он, в свою очередь, весьма основательно его переработал. Очевидно, тогда же, т.е. около 1622 г., был кем-то составлен со слов ветеранов и независимый от черкасовского текста список погибших ермаковцев.

Закономерно возникает вопрос: а где же в это время был сам Черкас Александров и почему он устранился от работы над казачьим “Написанием”?

Обратившись к выяснению биографии этого человека, Р.Г. Скрынников обнаружил в документах упоминание “о службе атамана Ивана Александрова в Тобольске еще в 1638 г. Сомнительно, — пишет ученый, — чтобы в небольшом сибирском городе служило разом два казачьих атамана по имени Иван Александров”⁵⁶. Однако, как показал Н.И. Никитин, атаман, названный Р.Г. Скрынниковым, никакого отношения к Черкасу Александрову не имеет, поскольку судя по окладным книгам жалованья, он служил в Тобольске с 1634/35 г. по 1645/46 г. и “ведал” одной из вновь сформированных “станций” пеших казаков. Что же касается сподвижника Ермака, который в документах обычно упоминается с характерным прозвищем “Черкас”, то он “был не

просто “атаманом”, а “татарским головой”; это в тобольском гарнизоне был гораздо более высокий и более оплачиваемый “чин”, чем должность казачьего атамана. Умер Черкас Александров не позднее конца 1-й четверти XVII в.: в первой сохранившейся окладной книге Тобольска 1626/27 г. “головой” служилых татар назван уже другой человек — Константин Частой⁵⁷.

Действительно, Черкас Александров был весьма заметной фигурой в служилом мире Тобольска: он командовал самым крупным воинским подразделением (в конце XVI в. юртовских служилых татар насчитывалось около трех сотен, а к 1625 г. — 259 человек) и получал самый высокий годовой оклад — 30 рублей денег, 30 четвертей ржи, 30 четвертей овса и 3 пуда соли. Однако к началу 20-х гг. XVII в. он, очевидно, уже умер. Его сыновья, Дмитрий и Борис, служили в тобольских детях боярских, причем первый упоминается в этом качестве уже в 1619 г. Между прочим, в 1626 г. вместе с головой тобольских конных казаков Иваном Грозой Ивановым, знаменитым ермаковским атаманом, захватившим в свое время в плен царевича Маметкула и отвезшим его с головой Иваном Киреевым в Москву, Дмитрий Иванов сын Черкасов возглавлял большую экспедицию на Ямыш-озеро. Позднее он поддерживал дружеские отношения с его сыном Гаврилой Грозиным, унаследовавшим в 1635/36 г. должность умершего отца. Третий сын Черкаса Александрова, которого звали Афанасием, был в 1630/31 г. назначен атаманом новокрещеных (в их “станицу” входило 30 человек), сменив на этой должности вышедшего в отставку Корнилу Дурынина (последний был сыном тобольского атамана Ивана Дурыни, также являвшегося сподвижником Ермака)⁵⁸. Судя по всему, именно от братьев Черкасовых и получили во временное пользование оригинал сочинения Черкаса Александрова ветераны сибирской экспедиции. Отредактированное около 1622 г., оно в 20—30-х гг. XVII в. подвергалось дальнейшей переработке.

Так, вместе со списком погибших ермаковцев “исправленный” черкасовский текст послужил прежде всего источником для составления Синодика, автор первой редакции которого — человек из окружения тобольского владыки — очень существенно его сократил и переделал. Событийный ряд в Синодике был ограничен двумя крайними вехами — началом похода и гибелью Ермака. При этом, с учетом жанровых особенностей создававшегося произведения, хронология важнейших событий была дана описательно: “тое ж зимы” (приведено дважды), “во второе ж лето Сибирскаго взятъя”, “в третье же лето по Сибирском взятъе”, “в четвертое же лето по сибирском взятъе”.

Изредка давались ссылки на дни: 26 октября, 5 декабря (приведена дважды) и 6 августа. Прямое указание на год сохранилось в Синодике лишь в отношении первоначальной даты: “В лето 7089-го, при державе благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии, еже избра бог и посла не от славных муж...” и т.д.

Не касаясь отдельных разночтений повествовательной части “Написания” и появившегося на его основе мартиролага, посвященного ермаковцам, отмечу лишь одно обстоятельство: в первой редакции Синодика дважды перечислены имена Окола, Ивана Карчиги и Богдана Брязги — под 26 октября (“под Чювашею... первой бой”) и под 5 декабря (бой на рыбной ловле под “Обалаком”). Судя по всему, это произошло из-за противоречий в имевшихся у автора источниках: очевидно, в перечне погибших имена этих людей каким-то образом (может быть пометой на полях) связывались со сражением “под Чювашею”, в то время как в переработанном тексте Черкаса Александра в рассказе о бое под Абалаком вполне определенно говорилось: “...а ходит для рыбной ловли ясаул казачей имянем Брюзга с товарищи” (Пог. С. 132). Не сумев решить вопроса о том, какая из двух версий более правильная, составитель первой редакции Синодика включил в своей текст обе⁵⁹.

Чуть позднее, но еще в период пребывания Киприана на архиепископской кафедре в Тобольске (1621 — 1624 гг.), повествовательная часть казачьего “Написания” была подвергнута новому сокращению и редактированию. Характерной особенностью возникшего в результате этой переработки текста являлась замена прямых указаний на даты (за исключением самой первой -- 7089 (1581) г.) описательными (типа “того же лета”), вероятно сделанная под влиянием Синодика. Вслед за другими исследователями можно предполагать, что это произведение было создано по заказу архиепископа Киприана и вместе с ним оказалось в Москве⁶⁰. Здесь оно в конце 20-х гг. XVII в. было привлечено к составлению хронографической повести “О победе на бесерменского сибирского царя Кучума...” (другим ее источником являлось, судя по структуре повести, особое географическое описание Сибири). Примерно тогда же привезенный Киприаном текст был вторично переработан в Москве с использованием каких-то дополнительных известий (к ним же, возможно, в рассказе о грабежах Ермака на Волге восходит и вышеназванная хронографическая повесть), после чего он, с одной стороны, послужил протографом для “Краткого описания о Сибирской земле и о походе атамана Ермака”, а с другой -- источником для сибирских

статей созданного около 1630 г. Нового летописца.

Между тем оставшаяся в Тобольске повествовательная часть “Написания” была литературно обработана в третий раз. При создании нового текста в качестве основного источника прямых заимствований и нестилизационных подражаний была привлечена Повесть 1626 г. (Летописная книга). Во время работы над этим произведением, названном впоследствии С. Есиповым “писанием”, были внесены некоторые изменения, касавшиеся содержания его протографа. Так, в частности, в рассказе о приходе Ермака с Волги исчезло упоминание о Каме, в главе о казачьем “сеунче” были исключены известия об отправке в Сибирь вместе с участниками посольства отряда кн. С.Д. Болховского, о царском указании Ермаку “быть к Москве” и о его смерти “в тое пору..., покамест сеуншики ездили к Москве”, а из описания бегства ермаковцев на Русь исчезло упоминание о р. Сось. Кроме того, слова “В лето 7089-го, при державе великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца”, были перенесены в начало следующей главы. В результате 7089 г. превратился в дату уже не абстрактной посылки Богом казаков “победити царя Кучюма и бесерменство его”, а реального прихода в Сибирь дружины Ермака. О том, что данная перестановка была произведена именно тогда, а не раньше, свидетельствуют соответствующие формулировки в текстах первой редакции Синодика и хронографической повести “О победе на бесерменского сибирского царя Кучюма...”, сохранившие первоначальное чтение. Для закрепления этой даты в главу “О пришествии во град атамана Ермака и прочих с ним” была сделана особая вставка: “Приишоша во град Сибирь Ермак с товарищи в лето 7089 году”. Впоследствии эта вставка была воспроизведена в Есиповской летописи, в то время как в Строгановскую летопись, автор которой придерживался иной хронологии, она не попала.

Исходя из бытующего в науке представления о том, что к истории текста Летописной книги был причастен известный писатель первой половины XVII в. кн. С.И. Шаховской⁶¹, И.Ю. Серова высказалась в пользу мнения “о возможности атрибутировать Шаховскому протограф сибирских летописей”. При этом она напомнила, что “в 1621–1622 гг. Шаховской находился в первой ссылке в Тобольске, где в это время был составлен Синодик Ермаковым казакам”⁶².

Принимая в целом эту гипотезу, внесу лишь одно уточнение. Действительно, в своих записках кн. С.И. Шаховской отмечал, что в 1622 г. он был сослан в Тобольск “в опалу в чужом деле и того же

году пожалован, взят к Москве". Однако маловероятно, что у него в этот краткий период времени была возможность заниматься литературным трудом. Между тем на 1625—1627 гг. приходится пик творческой активности писателя. Судя по всему, именно тогда создаются его произведения о Смуте, в т.ч. и его собственный вариант Летописной книги. В 1628 г. кн. С.И. Шаховского назначили воеводой в Енисейск, где он находился до начала 1631 г., после чего более года жил в Тобольске и вернулся в Москву в августе 1632 г.⁶³ По всей видимости, именно в начале 30-х гг. XVII в., во время своего относительно длительного пребывания в сибирской столице, кн. С.И. Шаховской, имевший в своем распоряжении как Летописную книгу, так и повествовательную часть "Написания", и создал текст, послуживший впоследствии протографом для Есиповской и Строгановской летописей (очевидно, один из списков этого произведения он оставил в Тобольске, а оригинал или копию с него при возвращении в Москву отдал кому-то в Сольвычегодске).

В свою очередь С. Есипов, приступивший в 1636 г. к работе над своей летописью, сократил в "писании", предположительно атрибутируемом кн. С.И. Шаховскому, некоторые литературно-стилистические заимствования из Летописной книги, зато расширил свое произведение за счет других источников. В результате текст его летописи был дополнен описаниями сибирской природы, сведениями этнографического характера, богословско-риторическими рассуждениями и метафорами и т.п. В главе "О бою под Чювашевым у засеки" С. Есипов, в частности, исключил слова о том, что день 23 октября приходился "на память святого апостола Якова". Он также заменил заглавие в своей летописи и поместил в начале оглавление. Кроме того, в конце произведения архиепископского дьяка появились две новые главы -- о разгроме Кучума русскими войсками и его гибели "в Нагаях", а также об обстоятельствах появления Синодика Ермаковым казакам. Далее был помещен текст самого Синодика в его второй редакции. Завершали летопись указания на место и время ее написания, зашифрованные простой "литереей" имя и "отчина" автора, ссылка на основной источник ("писание") и соответствующая концовка.

Как уже говорилось выше, одним из литературных источников, использованных в работе над летописью С. Есиповым, являлся Хронограф редакции 1512 г. Не исключено, что речь в данном конкретном случае может идти о рукописи, которая была отмечена в описи библиотеки Тобольского Софийского дома 1651 г. как "Книга Хронограф письменная"⁶⁴

Позднее в результате произведенного в середине XVII в. сокращения Основной редакции Есиповской летописи, был создан новый текст, включивший в себя небольшие дополнения, предположительно восходящие к Строгановской летописи и Новому летописцу. Он-то и стал, с одной стороны, протографом Румянцевского летописца, а с другой — одним из источников Свода 1652 г.

Тем временем, уже после того, как С. Есипов закончил работу над своей летописью, оригинал повествования Черкаса Александра был подвергнут вторичному редактированию. Это произошло не ранее 1636 г., что подтверждают приведенные ниже слова, заключающие последнюю главу Погодинского летописца, которая называется “О всех благих, яже от бога подаваемая”. В Есиповской летописи близкая по содержанию глава имеет название “Благодарение богу”, однако этих слов здесь нет. Тем не менее мы находим их, хотя и в несколько иной редакции, в самом конце текста летописи тобольского архиепископского дьяка:

Погодинский летописец

...Паче же и чюдеса божия тусодеяшася, еже естъ избавлении недугом и свобоженью страстем, и различным болезнем исцеленье и прочая блага (курсив мой. — А.Ш.) подаваемая нам, православным крестьянем, от всемогущаго бога. Аминь.

(Пог. С. 137)

Есиповская летопись

...Упра[зд]ни[м]ся, братие, паки на божия чюдеса, еже содеяшася во дни наша в новопровещенных местех о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава со отцем и святым духом, яко [благословен] еси во веки веком. Аминь.

(Ес. С. 72)

Есть все основания считать, что в обоих случаях речь идет о явлении и чудесах Абалацкой иконы Знамения Божьей матери. Первые известия об этом появились в июле 1636 г.⁶⁵, т.е. как раз тогда, когда С. Есипов писал свою летопись (работа над ней была завершена 1 сентября того же года). Судя по заголовку Есиповской летописи, в первоначальные планы архиепископского дьяка входило написание обстоятельного рассказа “о чюдесех пресвятыя владыгчеца нашея богородица и приснодевы Мария, идеже содеяшася во дни и рода наша” (Ес. С. 42), однако в тексте он ограничился лишь кратким и глухим упоминанием об этом⁶⁶. Второй редактор черкасовского повествования сказал по этому поводу чуть подробнее, опираясь при этом, очевидно, на какие-то слухи о чудесных исцелениях, ходившие в Тобольске.

Установление нижней даты появления непосредственного протографа Погодинского летописца объясняет хронологическое

несоответствие времени создания сочинения Черкаса Александрова рассмотренных ранее эпизодов и фраз о Знаменском монастыре, о сыновьях Кучума и о поимке Аблегирима: их, несомненно, внес в его повествование второй редактор. Специфика этих дополнений вкупе с неоднократными упоминаниями в тексте Погодинского летописца имени Черкаса Александрова, также имеющими, по некоторым признакам, характер позднейших вставок, позволяют высказать предположение, что вторым редактором черкасовского произведения был один из его сыновей, который, помимо того, что имел в своем распоряжении первоначальный текст, помнил отцовские рассказы и, возможно, видел какие-то из его документов.

Поводом для создания новой редакции произведения Черкаса Александрова послужило, очевидно, появление на свет Есиповской летописи, один из списков которой оказался в руках второго редактора. Именно отсюда, наряду с некоторыми деталями и заимствованиями, связанными по преимуществу с реминисценциями из Хронографа редакции 1512 г., была взята упоминавшаяся выше фраза “Придоста ж Ермак с товарищи во град Сибирь в лето 7089-го”, стилистически (в слове “придоста”) приведенная в соответствие с черкасовским произведением. Другую фразу — о приходе Ивана Киреева с Маметкулом “к Москве 92-м году” — второй редактор, зная год воцарения Федора Ивановича, мог сконструировать сам. Впрочем, не исключено, что названная здесь дата читалась в имевшемся в его распоряжении списке Есиповской летописи (ведь откуда-то появились в Румянцевском летописце по Музейскому списку слова: “Лето 7092-го придоша ис Сибири с царевичем...”⁶⁷). Видимо, по этому же списку была везде исправлена на “Волконского” и фамилия кн. С.Д. Болховского (ср. сходное написание этой фамилии в некоторых списках Основной и Забелинской редакций Есиповской летописи, в Бузунновском летописце и в Предисловии Окладной книги⁶⁸). И это вполне объяснимо, поскольку князя Болховского во второй половине 30-х гг. XVII в. никто уже не помнил, зато фамилия князей Волконских была в Тобольске на слуху: Михаил Волконский являлся здесь вторым воеводой в 1596—1597 гг., а Иван Федорович Волконский — в 1620—1622 гг.⁶⁹, т.е. еще на памяти второго редактора. Кроме того, здесь неточно было воспроизведено отчество Кучума (“Мурзазелеев сын”)⁷⁰. Впрочем, это мог сделать и переписчик конца XVII в. Он же, скорее всего, слово “Бабасаны” написал как “Бабачани”.

Одновременно составитель непосредственного протографа Погодинского летописца великолепно уяснил несоответствие в

изложении хронологии и последовательности событий между Есиповской летописью и сочинением Черкаса Александрова. Правда, при этом он не сумел разобраться в разнице дат начала похода и взятия Сибири, равно как и в обстоятельствах и хронологии доставки Маметкула в Москву, зато им настойчиво стала проводиться мысль о том, что "сеунщики" прибыли вместе с отрядом кн. С.Д. Болховского в Сибирь уже после гибели Ермака (если вторым редактором был сын Черкаса Александрова, то он мог знать об этом еще и из его рассказов). Таким образом, оговорки по этому поводу, встречающиеся в тексте Погодинского летописца, отражают, по сути дела, скрытую полемику второго редактора с противоположной версией, изложенной в Есиповской летописи.

Следует отметить, что второй редактор сознательно не стал включать в свой текст заключительные главы произведения С. Есипова, в т.ч. и глазу "О смерти царя Кучюма...". Такой подход можно объяснить его бережным отношением к концепции сочинения Черкаса Александрова, согласно которой не гибель Кучума, а основание Тобольска и связанные с этим события ознаменовали собой крушение Сибирского "царства", "понеже еще ту победа и одоление на окайных бесермен бысть (имеется в виду сражение под Чувашевым мысом. — А.Ш.) и начальный царствующего града Старой Сибири Сейдяк ту в Тоболске взят бысть божиим праведным промыслом. И паче же сей Тоболеск вместо царствующаго града Старой Сибири именовася и препрослыся началным градом" (Пог. С. 136).

Итак, на основании всего сказанного выше можно в самом общем виде представить основные этапы развития раннего сибирского летописания (см. стемму). Конечно, далеко не все является здесь бесспорным. Некоторые моменты, в особенности относящиеся к взаимоотношениям сибирских памятников с общерусской летописной традицией, нуждаются в дальнейших уточнениях.

Главный же вывод, вытекающий из проделанной работы, сводится к следующему: текст Погодинского летописца через посредство своего протографа, созданного после 1636 г., восходит к самому раннему и самому достоверному слою известий, связанных с именем Черкаса Александрова, — очевидца и участника похода Ермака в Сибирь, ставшего одновременно и первым его историографом. За вычетом позднейших редакторских наслоений, которые легко вычлениаются, этот текст является на сегодняшний день наиболее надежным повествовательным источником по данной теме.

Вместе с тем можно говорить о том, что с "Повестью летописной"

Черкаса Александрова, написанной в самом начале XVII в., оказались генетически связанными не только сибирские и приуральские произведения (Синодик Ермаковым казакам, Строгановская и Есиповская летописи), но и памятники общерусского летописания XVII в., в т.ч. Новый летописец и Свод 1652 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Текст Погодинского летописца публиковался трижды: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. XXVIII, 271—295; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 19, 129—137. (в дальнейшем ссылки на него по этому изданию см. в скобках в тексте — Пог.); Летописи сибирские / Сост. и перев. Е.И. Дергачева-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 57—104.

² См.: *Дворецкая Н.А.* Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 478, 481; *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 128, 134; *Резун Д.Я.* У истоков историографии сибирского города XVII в. // Изв. Сиб. Отд-ния АН СССР. 1975. № 1. Сер. обществ. наук. Вып. 1. С. 95—96; и др.

³ См.: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 37—60.

⁴ См.: *Ромодановская Е.К.* Погодинский летописец. (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18—59.

⁵ В дальнейшем ссылки на Основную редакцию Есиповской летописи по изданию ПСРЛ. Т. 36, см. в скобках в тексте — Ес.

⁶ В дальнейшем ссылки на первую редакцию Синодика по изданию ПСРЛ. Т. 36, см. в скобках в тексте — Син.

⁷ См. о нем: *Преображенский А.А.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 382; *Корецкий В.И.* "Ермаковы казаки" в Москве и Новый летописец // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. С. 11; *Ромодановская Е.К.* К биографии Черкаса Александрова // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 116—122; и др.

⁸ Согласно Погодинскому летописцу, и во время участия в "сеунче", и в момент бегства ермаковцев из Сибири, Черкас Александров все еще был рядовым казаком; атаманскую должность он занял только в период своего второго пребывания в Москве, что

и было зафиксировано в феврале 1586 г. во вкладной книге Чудова монастыря, а также в Погодинском летописце, отметившем, что вместе с В.Б. Сукиным и И. Мясным Тюмень строили "Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищи" (формула, указывающая на его начальствующее положение). Следовательно, возглавлять посольство он не мог, тем более что в Погодинском летописце в качестве главы "сеунча" назван некий атаман.

⁹ См.: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 234. Очевидно, мысль о посылке "сеунщиков" в летнее время появилась у исследователя под влиянием Строгановской летописи, где говорится, что в первый раз казачье посольство было отправлено после захвата в плен Маметкула и Белогорского похода сначала к Строгановым, которые и сообщили Ивану Грозному об одержанной казаками победе; от Строгановых посланцы Ермака вернулись назад, а затем вторично поехали уже в Москву (см.: *Сибирские летописи.* С. 29–31). Следует отметить, что достоверность этого рассказа вызывает серьезные сомнения.

¹⁰ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 51–52.

¹¹ См.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 343–344; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 46.

¹² См.: *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь... С. 49; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 344–345.

¹³ См.: *Летописи сибирские.* С. 42.

¹⁴ См.: *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы... С. 134.

¹⁵ См.: *Ромодановская Е.К.* Погодинский летописец... С. 20–21.

¹⁶ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 57–58.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 139, 140.

¹⁸ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 39–43.

¹⁹ Ср.: *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь... С. 49–50.

²⁰ См.: *Бахрушин С.В.* Науч. труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. С. 103–104.

²¹ См.: *Дворецкая Н.А.* Археографический обзор... С. 482; *Ромодановская Е.К.* Летописные источники о походе Ермака // Изв. Сиб. Отд-ния АН СССР. 1981. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 24.

²² См.: *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы... С. 123–132.

²³ ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 40.

²⁴ См.: Там же. С. 73, 74, 78, 185; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 34; *Сибирские летописи.* С. 310. Весьма характерно, что в хронографи-

ческой повести "О победе на бесеременского сибирского царя Кучума..." также говорится, будто в Обь впадает "река, рекомая Сось, из земли Пермския, над тою ж рекою стоит град, иже именуется Березов..." (Летописи сибирские. С. 48). Данная ошибка указывает на существование у всех этих произведений общего источника, причем не сибирского, а московского происхождения.

²⁵ См.: Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. III, ч. 1. С. 72—73 и след.

²⁶ См.: Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 55—56.

²⁷ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 26—29, 31, 35—37, 197, 199—200, 208, 234—235, 243, 252 и след.; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. 3. С. 193—196; Полевой Б.П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 58—59, 62.

²⁸ Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 55.

²⁹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... С. 58.

³⁰ См.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 1—4 и след.

³¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 347.

³² См.: Полевой Б.П. Новое о Василии Тыркове... С. 58—59; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 281.

³³ Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 24—25.

³⁴ См.: Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI — XVII веках. Л., 1935. С. 75; Он же. Науч. труды. М., 1955. Т. III, ч. 2. С. 143—144. Упомянутый здесь набег пелымцев произошел, судя по контексту, не в 1586 г., как значится в обоих изданиях работы, а в 1581 г. На основании этой же опечатки Е.К. Ромодановская отнесла к 1586—1587 гг. события, связанные с возникновением русского города Березова и осадой его восставшими остяками (см.: Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александрова. С. 119—120). На самом деле остяцкое восстание под руководством ляпинского князя Шатрова Лутуева и осаду Березова, снятую, как установила Е.К. Ромодановская, присланным из Тобольска отрядом Черкаса Александрова, следует датировать 1595 г. (см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 286, 395).

³⁵ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... С. 53—54.

³⁶ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. / Сост. Е.Н. Ошанина. М., 1982. Вып. 1. С. 99—102.

³⁷ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 357, 359.

³⁸ См.: Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александрова. С. 118.

³⁹ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1901. Ч. I. С. 134.

⁴⁰ СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 134.

⁴¹ Согласно сообщению Строгановской летописи, пленный татарин по имени Таузак "поведа" казакам "вся по ряду *про сибирских царей и князей*" (курсив мой. — *А.Ш.*), а также про самого Кучума и его подданных (Сибирские летописи. С. 16). В Погодинском летописце информация, полученная от Таузак, являвшегося придворным сибирского властителя, охарактеризована более кратко: "Поведа же им про царя Кучума и про его воинство" (Пог. С. 131). Судя по всему, в распоряжении автора Строгановской летописи имелись дополнительные (очевидно, устные) сведения о походе Ермака, попавшие к нему непосредственно от его участников, поэтому не исключено, что Черкас Александров услышал первый рассказ об истории Сибирского ханства именно от Таузак.

⁴² По сообщению Ремезовской летописи, посольство отправилось "декабря 26 день волчьего дорогою, нартами и лыжы на оленях, им же вожь бе ясколбинской князь Ишбердей со своими вогуличи, в Великую Пермь, и оттоле к Москве доидоша" (ПЛДР. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 560; судя по всему, "волчьа дорога" шла по Тавде на Лозьву и Вишеру). Если эти сведения имеют под собой хоть какие-то реальные основания, то можно допустить, что Черкас Александров должен был выполнять в дороге обязанности толмача.

⁴³ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 141—143, 167; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 342. На некоторые обстоятельства этого инцидента, известного по документам Посольского приказа еще со времени Н.М. Карамзина, обращали внимание и другие исследователи (см.: *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 93—94; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь... С. 32—33; *Сергеев В.И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 22 и след.).

⁴⁴ *Введенский А.А.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924. С. 62—64; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 341. Ср.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 173.

⁴⁵ Текст первой редакции Синодика был введен в научный оборот Е.К. Ромодановской (см.: *Ромодановская Е.К.* Синодик Ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Изв. Сиб. Отд-ния АН. СССР. 1870. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 20—21; *Она же.* Русская литература в Сибири в первой половине XVII в. (Источники

русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 36—51).

⁴⁶ См.: *Бахрушин С.В.* Науч. труды. Т. III, ч. 1. С. 17—32. По мнению А.М. Ставрович, на базе казачьего “Написания” и рассказов очевидцев была составлена не дошедшая до нас “летопись Киприана”, которая послужила основой для Синодика и сибирских статей Нового летописца, а последние, в свою очередь, будучи дополненными другими источниками, явились протографами Есиповской и Строгановской летописей, а также Погодинского летописца (краткое изложение основных положений до сих пор не опубликованной работы А.М. Ставрович см.: Там же. С. 31).

⁴⁷ *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы... С. 119—142; см. также: *Очерки русской литературы Сибири.* Новосибирск, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. С. 47—55.

⁴⁸ См.: *Лаврентьев А.В.* Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1984. С. 19—20; *Он же.* Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники // *Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв.* М., 1986. С. 118—141.

⁴⁹ Данный термин Р.Г. Скрынников позаимствовал из Шлецеровской редакции Сибирского летописного свода, созданной не ранее 1730 г. (см.: ПСРЛ. Т. 36. С. 347).

⁵⁰ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 17, 32.

⁵¹ Впервые текстологический анализ связи Есиповской летописи с Хронографом редакции 1512 г. был сделан Е.К. Ромодановской (см.: *Ромодановская Е.К.* Русская литература... С. 114—115, 120—121; *Она же.* Погодинский летописец... С. 50—53).

⁵² *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 22—33. На связь Строгановской летописи с Повестью 1626 г. указывали в своих работах еще С.Ф. Платонов и А.М. Ставрович (см.: *Платонов С.Ф.* Старые сомнения // *Сборник статей в честь М.К. Любавского.* Пг., 1917. С. 175—178; *Ставрович А.М.* Сергей Кубасов и Строгановская летопись // *Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову.* Пг., 1922. С. 285—293).

⁵³ *Серова И.Ю.* Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // *Источники по истории Сибири досоветского периода.* Новосибирск, 1988. С. 30—38. На основании этих текстологических наблюдений И.Ю. Серова пришла также к выводу о том, что Румянцевский летописец является сокращением Есиповской летописи.

⁵⁴ Близкая по содержанию фраза сохранилась в данном контексте в целом ряде сочинений, восходящих к ранней сибирской летописной традиции, — “Кратком описании о Сибирской земле и о походе атамана Ермака”, Новом летописце и др. (ср.: Сибирские летописи. С. 308; ПСРЛ. Т. 14. С. 33; Т. 36. С. 73, 74, 78).

⁵⁵ Сибирские летописи. С. 31.

⁵⁶ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 35.

⁵⁷ *Никитин Н.И.* Тобольская “литва” XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 69–70. Примеч. 5.

⁵⁸ См.: РГАДА. Ф. 214. Кн. 90. Л. 437 об. — 438; Ф. 199. № 591. Л. 57 об. — 59, 59–60 об.; *Преображенский А.А.* У истоков... С. 382; *Никитин Н.И.* Служили люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 32, 110; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 81–82, 98, 154, 160; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 42–44. 56–57, 223; и др.

⁵⁹ Ср.: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 18–19.

⁶⁰ См.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 241–242; *Вовина В.Г.* К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 58–69; *Она же.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 126–127.

⁶¹ В одном из списков Летописной книги это произведение напрямую атрибутируется ему (см.: *Кукушкина М.В.* Семен Шаховской — автор Повести о Смуте // Памятники культуры: Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 75–78).

⁶² *Серова И.Ю.* Об источнике... С. 37–38.

⁶³ *Шаховской С.И.* Домашние записки // Московский вестник. 1830. Ч. 5. С. 69, 70; ПСРЛ. Т. 36. С. 149, 197, 264, 320; *Семенова Е.И.* Шаховской Семен Иванович // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 170–171.

⁶⁴ *С[околов] А.* Одна из библиотек XVII-го столетия // Библиограф. 1892. № 6–7. С. 255.

⁶⁵ Подробнее см.: *Ромодановская Е.К.* Сибирские повести об иконах (XVII — начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 82–95; *Она*

же. Русская литература... С. 137 – 159.

⁶⁶ Как предполагает Е.К. Ромодановская, к созданию в 1641 г. “Повести об Абалацкой иконе Богородицы” имел непосредственное отношение С. Есипов.

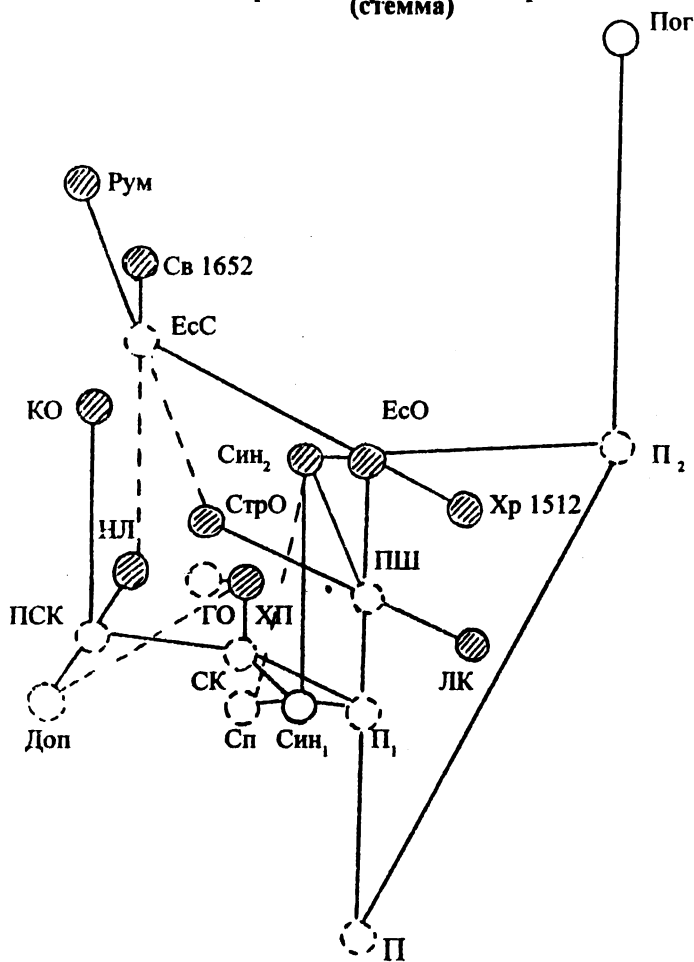
⁶⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 34.

⁶⁸ См.: Там же. С. 60, 73, 113; Летописи сибирские. С. 202.

⁶⁹ См.: *Газенвинкель К.Б.* Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века. Тобольск, 1892. С. 7, 8.

⁷⁰ Правильное написание отчества Кучума (“Муртозелеев”, “Муртазелеев”), восходящее к тексту Черкаса Александрова, сохранили хронографическая повесть “О победе на бесерменского сибирского царя Кучума Муртозелеева...” и Строгановская летопись; в Ремезовской летописи Кучум также назван “Муртазелеевым сыном”, однако здесь использован, судя по всему, источник татарского происхождения (ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 568). Из этого следует, что полное имя отца Кучума было Муртаза-Али.

Возникновение и развитие раннего сибирского летописания (стемма)

--- 1

--- 2

--- 3

--- 4

--- 5

Условные обозначения:

1 — произведения и их редакции (реально сохранившиеся);
2 — списки произведений (реально сохранившиеся); 3 — произведения и их редакции (предполагаемые); 4 — связи между произведениями (реально установленные); 5 — связи между произведениями (предполагаемые).

П — первоначальный протограф ("Повесть летописная" Черкаса Александрова); **П₁** — первая редакция первоначального протографа (повествовательная часть казачьего "Написания"); **П₂** — вторая редакция первоначального протографа (непосредственный протограф Погодинского летописца); **Пог** — Погодинский летописец; **Син₁** — первая редакция Синодика Ермаковым казакам; **Син₂** — вторая редакция Синодика Ермаковым казакам; **СП** — список погибших ермаковцев (мартирологическая часть казачьего "Написания"); **СК** — сокращенный вариант повествовательной части казачьего "Написания" (предполагаемый заказчик — архиепископ Киприан); **ХП** — хронографическая повесть "О победе на бесерменского сибирского царя Кучума..."; **ГО** — географическое описание Сибири; **ПСК** — переработка сокращенного варианта повествовательной части казачьего "Написания"; **Доп** — дополнительный источник переработки сокращенного варианта повествовательной части казачьего "Написания"; **НЛ** — Новый летописец; **КО** — "Краткое описание о Сибирской земле и о походе атамана Ермака"; **ПШ** — переработка повествовательной части казачьего "Написания" (предполагаемый автор — кн. С.И. Шаховской); **ЛК** — Летописная книга (Повесть 1626 г.); **СтрО** — Строгановская летопись Основной редакции; **ЕсО** — Есиповская летопись Основной редакции; **Хр 1512** — Хронограф редакции 1512 г.; **ЕсС** — Есиповская летопись Сокращенной редакции; **Св 1652** — Свод 1652 г.; **Рум** — Румянцевский летописец.
